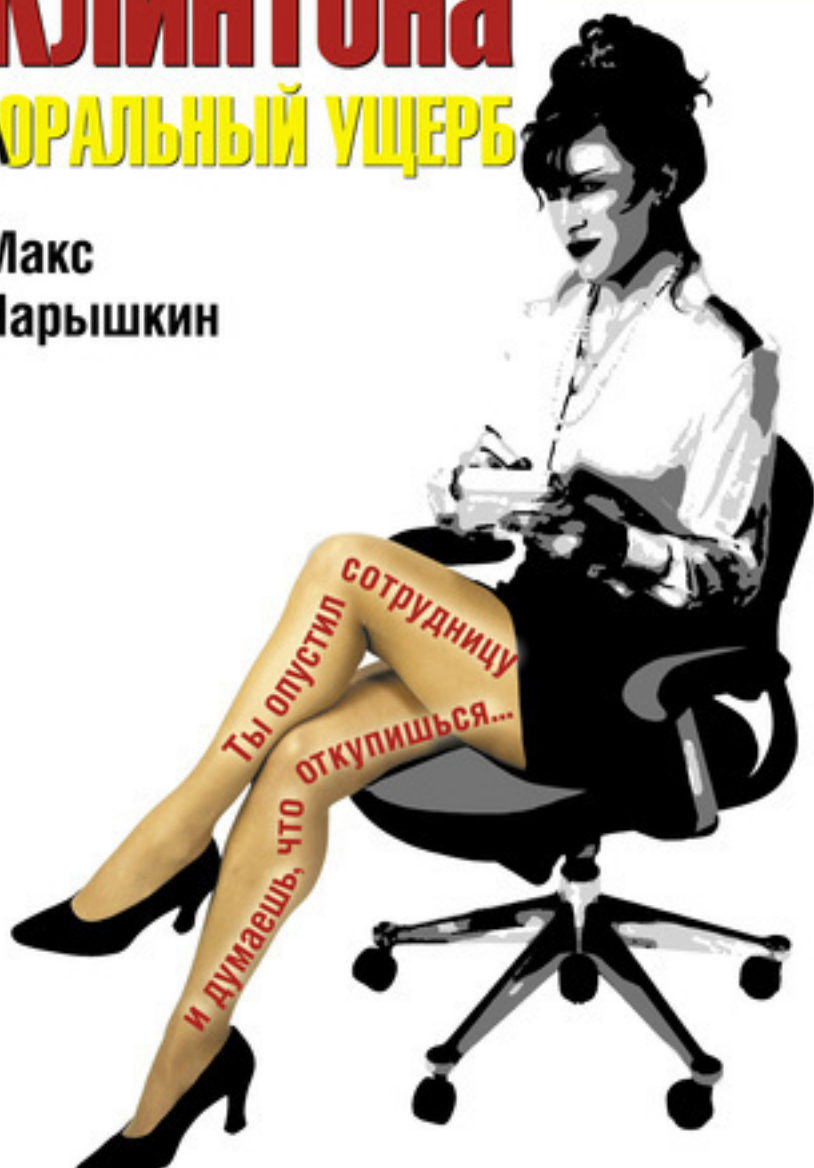

Синдром Клинтона

МОРАЛЬНЫЙ УЩЕРБ

Макс
Нарышкин

Менеджерам
нового
поколения
посвящается

Макс Нарышкин

**Синдром Клинтона.
Моральный ущерб**

«ЭКСМО»

2008

Нарышкин М.

Синдром Клинтона. Моральный ущерб / М. Нарышкин —
«Эксмо», 2008

Из офиса компании «Регион» пропала заместитель финансового директора Виктория Золкина. Девушка просто вышла из здания и растворилась в многомиллионной Москве, оставив на своем рабочем месте клочок бумаги с тремя фамилиями. Они-то и являются ключом к тайне исчезновения Вики. Поиском девушки занялись ее жених Тихон Куртеев и отчим профессор Игорь Оттович Берг. Ну и, конечно, руководители нескольких фирм, потому что вместе с исчезнувшей девушкой пропали принадлежащие им три миллиона долларов...

© Нарышкин М., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

От автора	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Макс Нарышкин

Синдром Клинтон. Моральный ущерб

Издательский дом «Харриер» информировал читательский мир Москвы о выходе в свет очередного произведения Анастасии Боше «Корпоративный роман». В презентационном интервью известная писательница чистосердечно признается, что книга ею написана в соавторстве с неизвестным литературным критиком, автором Тихоном Куртеевым, и что ее перу в романе принадлежат только два эпизода: диалог главного героя с заместителем директора финансового департамента компании «Регион» за ужином и встреча на дороге девушки с окровавленным конфликтологом. Анастасия Боше сообщила, что по ее настоятельной просьбе соавтором из романа были исключены несколько кровавых сцен, а эпизоды корпоративной жизни с явно порнографическим оттенком были переписаны на в моральном отношении терпимые тексты...

Из каких-то СМИ

От автора

Как работают мозги у этого прайда? Они посылают друг другу сообщения по электронной почте, предлагая выйти покурить, переписываются каждый день с приятелем из Австралии, но не здороваются с соседями и не знают имени коллеги, который работает в кабинете напротив. Они перекидываются в Сети с совершенно незнакомыми людьми в «дурака» при помощи оптической мыши, но перестают соображать, если карты лежат не в ряду, а держатся веером в руке и если противник сидит напротив, а не в тысяче километров. В их мобильных телефонах напротив каждой фамилии десять номеров и несколько e-майл. Но они все равно не могут договориться друг с другом о встрече. Любой компьютер для них «старый», хотя почти все они используют его как печатную машинку и место хранения коллекции порнографических роликов. Новости они узнают на главной странице @MAIL.RU в последовательности:

1. Спешите и выигрывайте призы в онлайн-игре «Кулер Квест»!
2. В. Янукович: В. Ющенко не соблюдает договоренностей.
3. Воронцовские сухарики: пекутся о традициях забавы ради.

Они узнают о том, сколько будут получать на работе, через минуту после начала собеседования, но все равно будут сидеть и отвечать на вопросы «хьюман ресорсез», где работали. Они будут слушать о традициях компании, о том, что можно и нельзя, точно зная, что, пообещав прийти завтра с документами, не придут. Устроившись в другом офисе и получив задание, они уже точно знают, что не успеют его выполнить к сроку, и даже готовы перечислить форс-мажорные обстоятельства, которые станут тому причиной. Реагируя дома на телефонный звонок, они снимают трубку и говорят «слушаю вас» таким голосом, что позвонившей маме тотчас хочется что-нибудь купить. Всю неделю они ходят в шортах, надетых на колготки, розовых рубашках и черных брюках, а в пятницу расслабляются и приходят в джинсовых костюмах. Многие из них шлют резюме по факсу, откликаясь на бегущую строку: «Требуется опытная сотрудница (БЭСТ, 20000)», полагая, что участвуют в конкурсе на вакансию проститутки элитного салона.

Многие примитивные задачи для них неразрешаемы, другие, неразрешаемые, они щелкают не задумываясь.

А эту задачу старик Альберт Эйнштейн придумал сто лет назад. Для них, как теперь выясняется. Он предложил ее публике только для того, чтобы проверить свои математические вычисления. Гений Эйнштейна полагал, что из всех работающих на любом из предприятий только двое из ста могут называться умными людьми. С тех пор минуло сто лет, однако из ста человек с высшим образованием, достатком средним и выше среднего правильный ответ находили всего двое.

Исходя из конъюнктурных соображений эту загадку я переиначил на актуальный лад, не изменив при этом ее сути.

Итак, дано:

Есть пять офисов разного цвета: желтый, красный, белый, синий, зеленый.

В каждом офисе работает по одному из сотрудников компании: менеджер, мерчендайзер, консультант, финансист и дизайнер. Каждый из них курит только свою марку сигарет, работает только в своем офисе и пьет только свой любимый напиток. Придя однажды на работу, они обнаружили, что склад вскрыт. И тогда каждый из них украл себе по одному из предметов.

Из известных фактов помочь могут:

- 1) дизайнер работает в красном офисе;
- 2) мерчендайзер украл принтер;
- 3) консультант пьет чай;
- 4) зеленый офис налево от белого, и его хозяин пьет кофе;

- 5) курильщик «Кэмел» украл ксерокс;
- 6) хозяин офиса, находящегося в середине, пьет колу;
- 7) хозяин желтого офиса курит «Мальборо»;
- 8) финансист работает в первом офисе;
- 9) курильщик «Данхилл» работает рядом с похитителем сканера;
- 10) похититель факса работает рядом с курильщиком «Мальборо»;
- 11) курильщик «Лаки Страйк» пьет пиво;
- 12) офис финансиста рядом с синим офисом;
- 13) менеджер курит «Ротманс»;
- 14) курильщик «Данхилл» работает рядом с тем, кто пьет фанту.

Вопрос:

Кто украл счетчик купюр?

Любая компания, считающая себя развитой, может насчитывать в своем строю пятьдесят человек. Таким образом, вашей компании, если в ней разыщутся двое, кто решит эту задачу, очень повезло. Это значит, что у вашего конкурента дела совсем уж плохи. Я хочу предложить вам проверить, кто из сотрудников вашего офиса первым разгадает задачу Эйнштейна. Начните с президента и заставьте его поломать над нею голову, даже если он попытается убедить вас, что заниматься подобными глупостями у него нет времени.

А пока офисный служащий рисует таблицу и собирает в кучку цветные маркеры, я перескажу вам историю, случившуюся в Москве в сентябре 2007 года. Ее пересказал мне один из ее участников, проживающий ныне за рубежом. Кто именно, вы узнаете, если примените тот же ключ, что подойдет к загадке Эйнштейна. Мы сидели с ним в ресторане города Лидс (Англия, кто не знает), сидели долго, пили много, и я, чтобы не трудить руку, записывал повествование своего френда на диктофон. Все, что мне оставалось сделать, – это придумать начало и после-словие будущего романа.

Читайте его и ищите похитителя счетчика купюр. Надеюсь, вы найдете ответ быстрее, чем дочитаете последнюю главу.

С уважением, Макс Нарышкин.

Глава 1

Привыкшая к магии аудитория была погружена в еще более чуткую тишину, чем в былые времена. Заканчивалась последняя в этом году и последняя во веки веков лекция профессора Берга, преподавателя социологии. Шестидесятилетний старик вчера объявил о своем решении покинуть пост декана кафедры, отказаться от преподавания и уйти из университета вовсе и навсегда. Это решение он ничем не объяснял, а спрашивать у него о причинах никто не решался. Сказать, что решение об отставке было встречено с удивлением, означало издевательским образом погрешить против истины, поскольку такое заявление Берга не могло вызвать у студентов и преподавателей ничего, кроме потрясения. На лекции этого профессора ходили как в молеальный дом, хотя, конечно, ни в одном молеальном доме услышать столько шокирующих откровений было нельзя. Всякий предел предполагает существование чего-то за ним, раз так, то ни о каком пределе не может идти речи, и это было единственное правило доктора социологических наук Берга во время занятий. Он не заглядывал во время лекции в план-конспект – кажется, у него вообще не было никаких записей. Авторитет этого ученого человека достиг той высоты, когда требовать с него план-конспект для занятий со студентами выглядело по меньшей мере нелепостью. Читал он лекции куда интереснее, чем если бы давал материал в том виде, в котором тот предлагался инстанциями куда более высшими, чем ректорат университета. «Почему бы нам с вами не записать эту фразу умственного калеки Карнеги, пока студент Горшков пытается что-то найти меж больших пальцев ног студентки Максимовой?» – на самом деле последняя часть фразы не звучала, она всего лишь предполагалась, но все понимали это безошибочно, поскольку вместо того, чтобы писать фразу «умственного калеки Карнеги», студенты разворачивались и смотрели на задний ряд, украшенный лицами названных студентов. Очки Берга, словно прибор для прицеливания, инфракрасным лучом блуждал по залу, и точка упора этого луча была всем видна всякий раз, когда взгляд останавливался на ком-то, хотя бы и случайно.

Слушать его было интересно, не слушать граничило с моветоном, на лекции Берга приходили даже те, кто не считал социологию значимым для будущей карьеры предметом. Собственно, от самой социологии здесь было мало. Лекции Берга были жизненными. Профессору хватало единственного взгляда на аудиторию, ему достаточно было один раз выстрелить навскидку своим очкастым бластером, чтобы понять, к чьей жизни из сотни имеющихся в зале будет применима сегодняшняя тема. Старик профессор сканировал своим взглядом лица и безошибочно распознавал в одинаково преданно смотрящих на него глазах присутствующих и будущего демагога, гадкого мальчика, покупающего сканворды «777» только из-за того, что там всегда можно найти фото полураздетой девицы, и переживающую от совпадения времени наступления месячных с временем назначенного еще на прошлой неделе свидания будущей бизнес-леди. И он начинал рассказывать тему, щуря свои невозмутимые маленькие глазки за стеклами узких очков для чтения, и он, как и всегда, не договаривал последних фраз. Он говорил, и аудитория каким-то особым чутьем угадывала, о ком нынче идет речь. Это умение шутить, произнося серьезные вещи, это мастерское владение русским языком и взгляды рентгенолога должны были, казалось бы, опустошать его аудиторию, сводить ее к присутствию лишь тайных, еще не выявленных эротоманов и просто старательных учеников, блестяще понимающих тему, но совершенно не разбирающихся в сарказме и подтексте. Но именно эта острота, риск оказаться просвеченным и разобраным на молекулы, забивала зал, когда в нем читал Берг.

Невероятно редко встречаются заикающиеся женщины, в то время как найти заикающегося мужчину столь же нетрудное дело, как встретить лысого и при этом совершенно здорового мужчину, а вот встретить совершенно здоровую и лысую женщину представляется фантасти-

ческим явлением. Руководствуясь теми же житейскими наблюдениями, можно сделать вывод о сведении к нулю равновеликой возможности услышать на лекции заводящий студенток и восторгающий студентов здоровый юмор шестидесятилетнего преподавателя и научные мотивы при эстрадном выступлении сатирика. Но Берг, вопреки установленным природой правилам, сочетал в себе и то и другое. При этом он был лыс и едва заметно заикался. Можно было сказать, что он был «совершенно лыс», но это будет противоречить правилам русской речи. Лысый человек не может быть лысым совершенно или лысым недостаточно, ибо лысина предусматривает категорическое отсутствие растительности на голове. Быть чуть-чуть лысым – это все равно что быть чуть-чуть беременной, а потому стоит, верно, опустить усиливающие эффект описания и сказать о профессоре просто, как сказал бы криминалист экспертной лаборатории ГУВД Москвы. Игорь Оттович Берг был мужчиной небольшого роста, с маленькими внимательными глазами, никогда не растягивающимися в улыбке губами, чувственными музыкальными пальцами и такой блестящей головой, что в мощи сияния его мозга можно было даже не сомневаться.

Но сегодня деятельность Берга заканчивалась. Поговаривали, что старик решил все оставить и уехать. Одни говорили – рубить бабло в Оксфорд. Вторые интимно шептали, что Берг на старости лет решил закосить под дауншифтера и смыться в деревню («к земле привыкает», – говорили острословы, благо было у кого учиться). Оставшиеся ничего не предполагали и ни о чем не шептались. Они пытались смириться с утратой, скорбя и стоически дожидаясь появления того, кто придет на место Берга. Было ясно, что замена будет неравнозначной. Это как на поле вместо Роберто Карлоса вывести Онопко. Не мог найти себе места в университете только один человек. Тихон Куртеев, узнав о скором убытии профессора Берга, ликовал и уже дважды – ибо уже дважды объявлялось о завтрашней отставке – откупоривал советское шампанское. Но в первый раз он напился совершенно напрасно, поскольку известие об увольнении сообщила Раиса Петровна Березина (в девичестве – уже три раза – Поцелкина). А доверять ей было так же глупо, как глупо доверять сплетнику. Но невероятие новости перешибло легкое недоверие к источнику информации, и Тихон купил четыре бутылки и вечером стал стрелять в потолок, стараясь угодить непременно в люстру. Поутру, уже в университете, выяснилось, что деньги потрачены зря. Берг только объявил о своем предстоящем уходе, дабы решение не выглядело необдуманным. Новость расползлась по вузу, и Тихон занял выжидательную позицию. Через две недели Берг сам объявил, что «завтрашняя лекция» – последняя. Куртеев не выдержал и снова стал стрелять пробками в потолок. И вот сегодня, сидя и пытаюсь угадать, что испытывает человек, сорок лет отдавший науке и теперь странно ее покидающий, Тихон ерзал на месте, нервно двигая руками так, словно в ладонях у него было мыло.

Тихон Куртеев оканчивал последний курс университета по специальности «социолог». Обучение не причиняло бы столько мук, если бы с третьего курса его группу не повел Берг. Все люди делятся на тех, кто способен поделить мир, и на тех, кто в этом мире делится. Эти двое, Куртеев и Берг, не могли существовать в одном пространственно-временном континууме, как Пушкин и Дантес, Ленин и Романов, Ватикан и Браун. Точек соприкосновения у них множество, но все они оголены, и потому каждое прикосновение сопровождается острой болью. Берг считал Тихона необучаемым студентом, Тихон считал профессора клиническим идиотом. Но если мнение Берга о студенте было исчерпывающим и не подлежащим обжалованию, то Тихон в душе все же уважал Берга, ну и завидовал невероятно молодому старику. Но как бы то ни было, глубокими и темными ночами, когда голова Тихона была свободна от мыслей о соитиях и вине, он думал о Берге. Образ лысого старика профессора, от одного взгляда на которого глаза девочек становились блестящими, как вынутые из рассола маслины, приходил после 00.00 и начинал мучить Тихона. И в каждом из этих виртуальных споров он с досадой ощущал себя поверженным, низложенным. Не найдя чем ответить Бергу на лекции, он ночью лежал, курил и придумывал достойный ответ, который можно было бы несколькими часами ранее произне-

сти и тем сразить Берга наповал. При этом Куртеева совершенно не занимало то, что ответ уже запоздал, а шутки профессора никогда не повторяются. И все же, думал он, хорошо было бы вот так вернуть... чтобы он от неожиданности даже очки поправил... Ночные размышления всякий раз заканчивались тем, что ближе к 01.00 становилось ясно – мести не состояться вовсе. И радость от убытия из университета старика окрылила Тихона и оживила.

Он знал социологию лучше всех на курсе. И досаднее всего было то, что не его глубокие познания в области гуманитарной науки стали причиной придинок к нему Берга. Куртеев так хорошо знал социологию, потому что редко когда сдавал предмет ненавистному профессору с первого раза. Обычно с третьего, а то и с четвертого. Берг словно сосал из него силы, упиваясь глупостью ученика и питаясь его молодой кровью. Оттого, верно, и не старел. Когда приходила пора зачетов, Тихон тускнел на глазах. Он знал, чем закончится сессия: неделей пересдачи. Сообразив это после первой же сессии на четвертом курсе, он стал учить социологию. Но Берг словно не замечал, что познания Куртеева глубоки и куда обширнее познаний его сокурсников. Казалось, Берг вычислил в толпе студентов одного, на ком можно оттянуться по полной программе. И чем явственнее приближались госы, тем сквернее чувствовал себя Тихон.

Все у него складывалось прекрасно. Он встречался с красивой девушкой двадцати двух лет, умной, независимой, споткнувшейся всего один раз – и на Тихоне. О женитьбе речи пока не заходило, да и не было в том нужды: пока их вполне устраивали две-три встречи в неделю. Крупная, крепко стоящая на ногах компания приняла его в свою дружескую (как было сказано на собеседовании) семью, обеспечив достойной зарплатой и коммунальными удобствами. После получения диплома зарплата должна была удвоиться. А это открывало широкие перспективы. Должность «конфликтолог, специалист по корпоративным отношениям» исключала какую-либо конкуренцию и подсижку со стороны пышущих завистью коллег. Куртеев как конфликтолог был в компании один, а потому сама по себе вероятность появления доносов на него в виде многих страниц огнедышащей прозы была исключена. Приметили его в «Регионбилдинг» год назад, приметили и сразу предложили место, приняв осваивать традиции солидной компании в качестве стажера вплоть до окончания университета. Уже было говорено, что контракт с ним будет заключен, что место – его, и если бы не Берг, то есть не единственная причина, из-за которой его с недоумением могут спросить в компании: «А чего это ты с первого раза гос не сдаешь по тому предмету, по которому у нас работаешь?», все было бы просто прекрасно.

Этот диссонанс приятного и неприятного вселял ужас в мужественную душу Тихона Куртеева. Он ждал государственного экзамена по социологии, дрожа от надежды и помня высказывания дружков о том, что преподаватели-стервятники, безжалостно терзавшие студентов несколько лет, на выпускных, как правило, превращаются в душек. У них-де статистика, и с них тоже могут спросить, чему они учили студентов, если те после нескольких лет учебы даже экзамены сдать не в состоянии. Куртеев соглашался с этим, формальная логика была для него близка, он знал ее на «отлично», но чем ближе были госы, тем крепче было его убеждение в том, что формальная логика тут ни при чем. Он просто трусит и старательно, необоснованно верит в небывальщину. Это мнение подкреплялось всякий раз, когда он вспоминал Берга: лысая, блестящая голова, очки, взгляд как у орла, сухие губы – разве это портрет человека, который готов превратиться в душку?

И теперь вот это неожиданное известие: госэкзамен по социологии принимать будет не Берг.

Выдержав паузу, чтобы не казаться бестактным, Куртеев кашлянул и спросил с заднего ряда аудитории, будто откуда-то с потолка, с вершины горы, на которую Сизиф катает туда-сюда валуны:

– Профессор, а это правда, что вы уходите?

Со стороны вопрос казался, конечно, воплем отчаяния.

– Нет, студент Куртеев, я н-не уйду... – Убедившись в том, что в глазах Тихона появилась мертвая муть, Берг закончил: – Я выхожу в отставку. Уходить мне пока еще рано.

Этой же ночью Тихон придумает достойный ответ на реплику профессора: «Вас о чем ни спроси, вы все о смерти» – но это будет ночью. Сейчас же, сыграв желваками, он почувствовал, как внутри пробирается знакомое чувство – злоба.

– Тогда, быть может, совет напоследок? – Тихону подумалось, что отказать в этой ситуации профессору будет негоже.

– Хорошая идея.

– У меня есть знакомый, – соврал Куртеев. – Он работает в одной крупной компании специалистом по корпоративным отношениям. Он много знает о своей компании и теперь пытается вывести универсальную формулу, которой пользуются те, для борьбы с которыми он поставлен на должность. Я хотел бы послушать, что вы думаете на сей счет.

Берг сошел с кафедры. Подтянул брючины и уселся на край стола первого ряда. Некоторые считают, что это случалось чаще разумного. Берг позволял себе чересчур демократические выходы. Сесть на стол, за которым кто-то сидит, означает неуважение – так думалось Куртееву; сесть профессору на стол своего ученика означает исключительное доверие – так полагал Берг. Нет, эти двое не могли находиться не только рядом, но и на одной планете.

Как бы то ни было, лица двух студенток зарделись от удовольствия. Впрочем, тому виной могла быть и «Арманимания», которой профессор пользовался с постоянностью маньяка.

– В одной стране лежала туша слона, – сказал профессор, скидывая пиджак и перекидывая его через руку. – Шакал принялся поедать тушу. Он прогрыз дырку и п-пролез внутрь. Сидя внутри туши, он продолжал есть мясо. А тем временем шкура высохла, покособилась и дыра, через которую шакал проник внутрь, закрылась.

– Профессор, боюсь, что вы меня...

– Я вас правильно понял, студент Куртеев. Передайте своему знакомому, что, если он не научится слушать, ему не вывести никакой формулы. – Берг опустил взгляд и без зазрения совести посмотрел на двух студенток. Яд Армани уже проник в аккуратные головки и стал опускаться ниже, ниже... и по их дрожащим ресницам было понятно, что он вот-вот достигнет дна понимания. Он всегда вел себя таким образом, отчего по университету бродили кривотолки. В вузах для преподавателей существуют три запретные темы. Две оставшиеся: критика коллег в присутствии студентов и алкоголизм. Кривотолки бродили по институту, но никому ни разу не удалось застукать Берга на месте преступления. По этой причине сложилось мнение, что он строго следует этому правилу. – Мимо проходил человек из касты барабанщиков. Он шел на церемонию изгнания демонов. В руках барабанщик держал... что?

– Кларнет? – предположил Куртеев.

– П-правильно, барабан, – похвалил Берг. – Шакал, сидевший в туше слона, услышал барабанный бой и спрашивает: «Кто идет?» – «Я барабанщик, иду на церемонию изгнания демонов». – «А что ты получишь за участие в церемонии?» – спрашивает шакал. «Мне дадут деньги и еще какие-нибудь подарки», – отвечает барабанщик. «Тебе исключительно повезло, что ты пришел сюда, – сказал ему шакал, – я охраняю здесь свое сокровище. Если ты хочешь его получить, ты должен выбить дно у б-барабана, наполнить его водой и полить ею тушу слона». Барабанщик выбил дно у барабана, наполнил его водой и принялся носить воду и поливать высохшую тушу.

– Простите мою дерзость, профессор, – воспользовавшись тем, что Берг дотянулся до скамьи, на которой сидели окончательно отравленные и готовые ко всему студентки, взял бутылку спрайта и приложил к губам, Куртеев криво улыбнулся, – рассказ о мертвом слоне, несомненно, захватывающий, но я вас спрашивал об универсальной формуле врагов конфликтолога.

– А шакал изнутри втирал воду в шкуру мордой, – закрутив крышку и поставив бутылку на место, почти коснувшись плечом лица одной из студенток, ответил ему Берг. – Наконец шкура размягчилась, шакал выпрыгнул наружу и убежал. А барабанщик все поливал и поливал тушу водой. Потом он заглянул внутрь, но никакого божества в туше не было, а было только множество червей. Взял он свой сломанный барабан и вернулся домой. Через несколько дней пошел сильный дождь и туша поплыла, увлекаемая потоком. На туше сидела стая ворон. Тушу снесло в реку, она поплыла вниз по течению, и ее вынесло в открытое море, а вороны все продолжали клевать падаль. В конце концов туша полностью сгнила и опустилась на дно, где ее дожрали рыбы. Вороны огляделись вокруг, но нигде не увидели ни одного дерева. И прежде чем они смогли долететь до суши, они выбились из сил, крылья отказались им служить, и все вороны погибли в море... Лекция закончена, друзья. И я не буду давать вам задания для самостоятельной п-подготовки, поскольку делать это уже не вправе. – Он подумал и добавил: – Ваше общество было для меня приятным или, по крайней мере, не обременительным. Желаю вам всем быть в хороших отношениях с господом богом. Прощайте.

Глава 2

Переход от стажировки к должности прошел для Тихона по-обыденному просто. Ничего не изменилось. Разве что теперь на груди его, на бейжке, значилось не «стажер», а «консультант». Тихону нравилась эта перемена. Он – консультант. Это означало, что с ним консультируются. Сие предполагало, что он знает что-то, в чем недостаточно хорошо разбирается руководство. Сам факт того, что президент и его окружение чувствуют себя уверенней, только лишь проконсультировавшись с ним, убаюкивало Тихона и зарождало в нем честолюбивые планы. Между тем многое, чего он не понимал, когда был стажером, не стало для него понятней и теперь, когда он вошел в должность. Каждое утро начиналось одинаково: он приходил в офис, поднимался на третий этаж «Регион-билдинг», здоровался в лифте со всеми, кто был рядом, выходил из кабины и шел по коридору. Здоровался со всеми, кого встречал по дороге и вынимал из кармана *свой* ключ. Вот еще одно новшество, которое радовало душу Тихона, – ключ. Во времена стажировки ключ ему выдавали и после работы он его сдавал. Теперь сдавать было не нужно, это был *его* ключ. Ключ от *его* кабинета. К концу третьего месяца работы в качестве стажера он уже со всеми сошелся – с кем близко, с кем имел лишь шапочное знакомство, но большинство сотрудников в огромной компании так и остались для него неузнаваемыми. Стажер – самое быстрое существо в любой корпорации. За день он успевает посетить десятки мест и в половине из них испортить о себе впечатление. Вскоре к нему привыкают, как к тиканию часов. Сообразив, что в недалеком будущем он станет равноправным членом большой команды, Тихон с первого же дня появления в компании взял за правило держаться независимо. Он понимал, что рано или поздно стажировка закончится, а если бегать по коридорам сбивая дыхание и заискивающе улыбаться, то потом, будь ты хоть в совет директоров введен, к тебе все равно будут относиться как к половому. Самое лучшее, решил Куртеев, это ходить медленно, улыбаться снисходительно и делать вид, что ты знаешь что-то, чего не знают другие. Пара умных фраз в курилке, подгаданный к месту и хорошо подготовленный в домашних условиях экспромт – и вот на него смотрели уже с терпением, словно не понимая, почему он стажер, а не сразу консультант. Между тем за снисходительной улыбкой и загадочным лицом скрывалось буйное желание понять, как эта компания зарабатывает деньги и где те крючки, зацепившись за которые можно удержаться за должность.

Появляясь то там, то здесь, Тихон создавал видимость активности, информированности, знания секретов, недоступных другим. Однако сам впадал в ступор, когда другие делали это, не скрывая собственных проблем. Оказавшись однажды в отделе рекламы, Тихон долго стоял над листом ватмана – заготовкой будущего проекта продажи жилья. Лист окружали трое менеджеров с изнуренными от бесплодных поисков оригинальности лицами, и все, что к тому моменту значилось на листе, было: **ВНИМАНИЕ! БЕСПРЕЦЕДЕНТНАЯ СИСТЕМА ОСЕННИХ СКИДОК НА КВАРТИРЫ!**

Это было написано маркером сверху листа, и девственная белизна нижней части уверяла Тихона в том, что это-то свободное пространство, заполнившись цифрами и объяснениями, и должно было шокировать москвичей своей сентябрьской беспрецедентностью. Следовало, видимо, ожидать появления чего-то невероятного, что убедило бы потенциальных покупателей в том, что руководство «Регион-билдинг» сразили межсезонные недуги и оно решило продавать квартиры ниже себестоимости. Следовало, вероятно, думать, что эта-то беспрецедентность и заставит москвичей уйти с работы, выбить в банках двери, снять со счетов деньги и побыстрее купить в «Регионе» квадратные метры быстрее, чем медицина поставит руководство этой спятившей под осень компании на ноги. На такие размышления наталкивала, во всяком случае, фраза сверху.

О да. Создание рекламы требовало самоотречения. Тихон знал: чуть что не так – и рекламный ход может не подбросить продажи, а провалить бренд. Американцы при рекламе пива Coors использовали слоган Turn It Loose! – «Стань свободным!» – и буквально переведившие текст на бутылках испанцы читали: ОБОСРИСЬ!

Компания Clairol вывела в Германию свои сухие дезодоранты, используя слоган Mist Stick – «Туманный аромат» – и бургеры, используя свой сленг, прочли на флаконах: ГОВНО!

А англичане порадовали арабов рекламой лекарства от головной боли в трех картинках: на левой агонизирующий от мигрени человек держится за голову, на средней он сует в рот волшебную пилюлю, а на последней хорошо видно, что он ловит кайф, его никто не трогает и он счастлив. Тексты перевели на арабский, фотографии оставили те же, а подумать о том, что арабы читают справа налево, креативно налаженные рекламисты из туманного Альбиона как-то позабыли.

Но хитом рекламной акции Тихон до сих пор считал рекламу «чупа-чупса» с Плющенко. Женя, значит, держит во рту что-то – и под этим американцы собирались писать: «Чемпионы тоже сосут!» Дети. Очень трудно было убедить их в том, что вся звездно-полосатая нация, рекламируй «чупа-чупс» тот же, скажем, Майкл Фэлпс, сосать станет, но в России такая тема не прокатит.

Так что да – самоотречение, что было написано на лицах рекламодателей «Региона», понять было нетрудно.

Тихон постоял пять минут, сообразил, что мешает музе, беспокойно витавшей под потолком и не смеющей приближаться ни к одному из менеджеров в присутствии чужака, и деликатно удалился. Через час он снова зашел в отдел рекламы. То ли муза еще не до конца оправилась от вида Куртеева, то ли у гениальных менеджеров было несколько вариантов, да только на листе по-прежнему значилось: ВНИМАНИЕ!..

«Может быть, замазать это слово корректором? – подумал Тихон. – Оно, кажется, сбивает их с толку».

Менеджеры елозили на стульях, массируя филейную часть, гнали застоявшуюся кровь к голове, но это не помогало. Наконец один из них оторвал мутный, как у окуня, взгляд от арктической белизны ватмана и посмотрел на бедж Куртеева.

– Тихон. Тихон... Придумай систему беспрецедентных скидок. Но чтобы на выходе все равно оставалось 4500 долларов за квадрат.

Куртеев почесал затылок.

– Я полагаю, нужно как следует расписать, почему квартиры выгодно покупать в «Регионе». Нарисовать схему, дать фото интерьера квартир, показать преимущества.

– Тихон. Тихон... Это будет на растяжках на Садовом. Какое фото.

– А если...

– Тихон. Десять слов. Ровно столько успевают прочитать человек, проезжающий по Садовому на «Мерседесе».

– А если растянуть, где пробки?

– Тогда квартиры «Региона» будут ассоциироваться у людей с нервотрепкой.

– А зачем тогда было писать о беспрецедентных скидках, – возмутился Куртеев, – если у вас на выходе те же четыре с половиной?

– Тормоз, – пояснил другой менеджер говорившему с Тихоном менеджеру.

Тормоз Тихон думал весь день. Система беспрецедентных скидок не давала ему покоя. Он и домой приехал, обдумывая несколько идей. Вика встретила его в джинсах и с запахом гари.

– Я уютно поставила греться, а потом пошла котлеты разогревать, – объяснила девушка. – Такая блузка была красивая.

Вика, эта девушка невероятной даже по меркам Москвы красоты, убила Тихона в первый же день его появления в «Регионе». Они столкнулись у лифта и с тех пор не разлучались. Бухгалтер компании, она смотрелась среди цифр и кип бумаг как-то нелепо, неестественно. Казалось, она зашла в бухгалтерию случайно и с тех пор никак не может из нее выйти. Ее правильные черты лица, изящный стан и идеальная походка довели бы модель Водянову до истерики, знай та о существовании Виктории Золкиной. Казалось, место этой девушки не здесь, не в строительной компании, а на подиуме, сцене или в студии, так Тихон, собственно, и подумал сразу. Но вскоре до него дошло, что только эта красота способна спасти финансовый департамент «Региона». При том количестве испещренных цифрами докладных записок, отчетов и актов, что ежедневно подавались в офис главного бухгалтера, «Региону» нужно было что-то еще, помимо ума бухгалтера. Был нужен красивый ум, и умом этим была Вика. Тихон, когда увидел ее перед лифтом, не сразу понял, с кем имеет дело. Оказалось, что первое лицо «Регион-билдинг» – всего лишь второе лицо в его бухгалтерии, но для Тихона это ключевого значения уже не имело. Он частично ослеп, а та часть зрения, что оставалась, была обращена в ее сторону.

Первый секс с нею был чем-то невероятным, он словно спал с девушкой-пришелицей. Ему казалось, что, едва наступит утро, она скажет: «Мне пора», сядет в звездолет и улетит на планету Орбит. Его сперма будет доставлена на орбитальную станцию, орбитяне как следует изучат ее, обнаружат в ДНК Тихона массу аномальных отклонений и отправят Вику снова в полет. На поиск человека совершенного. Весь следующий день Тихон мучился ревностью и сомнениями, но когда вечером Вика зашла к нему в кабинет и улыбнулась, он едва не сошел с ума от радости. Теперь они вместе. Впрочем, «вместе» – понятие относительное. Вместе они были только два-три дня в неделю. Остальные дни Вика проводила в доме отца, требовательного, как представлялось Тихону, человека. Станный отец держал Вику в весьма жестких условиях, и Тихон догадывался, что тот лично разыскивает для Вики жениха с подходящим брачным контрактом. Тихону было двадцать семь, Вике двадцать два, и Куртеев не понимал, почему они должны следовать правилам какого-то придурковатого отца. Но связь меж ним и Викой, несмотря на вот уже почти полуторагодовую историю, только зарождалась, и с перевоспитанием отца-тираннозавра он решил не торопиться. Любого отца всегда можно поставить на место. Другое дело, что Вика к нему, как кажется, сильно привязана. О маме речь ни разу не заходила, а лезть в душу к девушке, которую боялся потерять, Тихон не спешил. Главное, что было оговорено основное: как только Куртеев окончит вуз, все изменится. Однажды он попытался выяснить, что же это такое скрывается под именем «папа», но Вика отшутилась, сказав, что подозрение – не лучший способ сохранить теплоту чувств. Не время, мол. Ведомый теми самими, что не сохраняют теплоту чувств, подозрениями, Тихон в тот же вечер решился на и вовсе неприличный поступок. Он понимал, что слежка – не лучший метод в отношениях между мужчиной и женщиной. Но, как всякий мужчина, он все правильно обосновал. В конце концов, он не развод с захватом крупного состояния замышляет, а просто хочет убедиться в верности человека, которому доверяет. Да, это было обоснование что надо.

Вот так, решительно отказавшись от собственных убеждений, Тихон тайком отправился вслед за женщиной, которой верил. Ее машина довела терзаемого ревностью консультанта по корпоративным отношениям до высокого дома в престижном районе, и Тихон под покровом темноты приблизился к подъезду вслед за Викой. Она замешкалась у двери, копаясь в сумочке и чертыхаясь, а он стоял в пяти метрах от нее и дышал как фокстерьер. Закончилось тем, что Вика, отчаявшись найти в ридикюле что-то (впоследствии Куртеев убедился, что она теряет не только ключи от квартиры), нажала на домофоне несколько кнопок и сказала в ответ на решительное мужское «Да!»: «Пап, я ключ, кажется, потеряла!»

С облегчением передвигая ноги, Тихон дошел до своего «Пассата», сел за руль и поехал домой. Уже дома подумал о том, что негоже так убивать себя подозрениями, он, кажется, даже

покраснел от стыда. И краснеть было от чего: он следовал за Викой в амоке и даже не замечал названия улиц, по которым ехал. Он даже не узнавал знакомых мест. Попроси его добраться до подъезда Вики снова, он обязательно бы заплутал. Разве не сумасшествие его вело?

И вот все закончилось. Вика с ним. Он окончил университет, и тема женитьбы была близка, и от одних только мыслей об этом захватывало дух. Тихону было неинтересно, кто ее отец: его бы воля, он бы вообще с ним никогда не встречался при таком-то подходе к выбору зятя. Качает ли тот углеводороды из-под земли, вырезает ли по дереву или сколачивает табуретки для продажи на рынке – ему было все равно. Его интересовала только Вика. Работать вместе и жить вместе было легко, поскольку на работе они виделись не более двух раз в день. Их отношения в компании уже никого не удивляли, и все складывалось замечательно, за исключением двух моментов.

Первый: при всей своей фантастической внимательности к цифрам, в быту Вика представляла собой совершенно беспомощное существо.

Второй: Тихон так и не адаптировался к самостоятельной работе.

Если первое не было для Куртеева секретом, то второе невозможно было скрыть от Вики. О нем шли в офисе какие-то разговоры – скорее всего, не совсем приятные для его невесты. Пока он был стажером, все сходило ему с рук и особого внимания к себе он не привлекал. Все изменилось, когда он стал консультантом. С первого же дня Тихон ощутил какое-то неприятное давление со всех сторон, кабинет стал ему тесен, и он чувствовал себя в нем неуютно даже тогда, когда оставался один. Угроза была невидима, еще нельзя было ощупать и определить ее формы. Просто все складывалось не так, как он себе представлял. Заказанные у секретаря копии документов получались либо нечитаемыми, либо запаздывающими, что ставило его в неудобное положение перед тем, кого он должен был ими порадовать в срок. Компьютер то и дело поражали вирусы, а вызываемый сисадмин все делал медленно и таким образом, что на следующий день комп Тихона снова вис. Он давал задания, их не выполняли, ему советовали, он следовал советам, и вскоре выяснялось, что следовало поступать наоборот. Тихон еще не понимал, что стал объектом моббинга, и не понимал, наверное, потому, что не было оснований для догадки. Шепни кто Тихону, что ему сознательно и коллективно портят карьеру, первое чувство, которое он испытал бы при этом, было бы, скорее всего, удивление. Куртеев был человеком логики и тут же обратился бы к ее основам. А обратившись, тут же вывел бы, что причин для его выдавливания из компании попросту не существует. Зачем, к примеру, той же секретарше портить ему карьеру? – что, ее интересует место консультанта? Или отделу маркетинга – что, там завелось сразу пять человек, решивших уничтожить Тихона Куртеева и поставить на его место своего человека? Глупость, не так ли?

До его разумения не доходила простая истина, ему и в голову не могло прийти, что причины могут быть куда прозаичнее, чем он думает. Тем, у кого нет «Фольксвагена» шестого года выпуска и стильных костюмов, нет никакого дела до его должности. Тихона ненавидят только потому, что у него все это есть, а у них нет и что с ним, а не с кем-то другим спит Вика, а не кто-то другая. И неважно, что все, кроме Вики, Тихон имел до прихода в «Регион». Есть те, которые владеют куда большим, и до них персоналу «Региона» нет никакого дела. И не будет до тех пор, пока они не станут частью «Региона». Отождествив себя с «Регионом» и подтянув за собой квартиру в новостройке, новый автомобиль и тут же присвоив себе самую красивую женщину «Региона», а быть может, и всей Москвы, Тихон плюнул всем в лицо. Ну, или бросил перчатку под ноги – характер вызова каждый воспринял соответственно своему окладу.

«Наверное, – думал Куртеев, – все изменится. И я изменюсь, наверное», – думал он, – и это «наверное», как ни странно, убеждало его в том, что ни он, ни окружающее его заряженное поле никогда не изменятся. И когда он затаился, как и всякий загнанный в угол, когда он решил присмотреться к своим корпоративным отношениям внимательнее, он объяснил и первый момент, который немного омрачал его жизнь. У Тихона нет папы, который бы подсказал

или придержал. Или, наоборот, дал пинка для ускорения. Тихон – хозяин дома, но, как выясняется, не совсем ориентируется в офисе, то есть... черт возьми, в бизнесе, к сожалению. Вика в офисе – как рыба в воде, но едва перешагивает порог квартиры, тут же прожигает блузку вместе с гладильной доской. Проанализировав ситуацию, Тихон понемногу стал понимать ее папика. С такой девочкой нужно быть на постоянном взводе и не держать на виду спички. И если уж невозможно удержать ее от замужества, то любящему отцу стоит приложить максимум усилий для того, чтобы помочь дочери с выбором жениха. И чтобы рассеянная девочка не разыскала в пятнадцатимиллионной Москве полупедика или запрещенного к изданию во всех странах поэта в вечно грязных носках, нужно хорошо постараться. Например: выделять дочери два-три дня в неделю на пылкие отношения, чтобы в течение четырех дней этот пыл гасить. Вика почти ничего не рассказывала о своей семье, точнее будет сказать – вообще ничего не рассказывала, так что Тихону приходилось дописывать резюме любимой самому. И его мужское разумение выводило такие зигзаги: решив превратить дочь в бизнесвумен, папа наложил вето на девиз немецких домохозяек: «Кухен, киндер, кирхен». Таким образом получилось, что в отсутствие мамы из дочери вышел хороший бухгалтер, но никудышная домохозяйка. А все потому, что мамой у них был Новосельцев.

Но ни это, ни что другое не могло изменить отношение Тихона к девушке. Он страдал по ней до сумасшествия, до пьяного азарта, до исступления. Познав немало женщин, он всем им говорил «люблю», но до встречи с Викторией не представлял, что это такое. Наверное, именно поэтому он до сих пор и не сказал ей, что любит. Ему все казалось, что это «люблю» запачкает чистоту их отношений. В свои двадцать семь лет он не знал наверняка, но где-то в глубине своей души, как и всякий мужчина, понимал, что, сказав о любви ста женщинам только для того, чтобы испытать с ними оргазм, говорить о любви той, которую полюбил по-настоящему, невозможно. Он тыкался лицом в ее грудь, как щенок, целовал в ухо, лоб, глаза, клал голову ей на колени, когда они долгими зимними вечерами занимались разгадыванием забавных задач в журналах, и уже глухой и слепой догадался бы, что нежнее и чувственнее этой любви и быть не может, но из уст мужчины все равно ни разу не вырвалось слово «люблю».

– Вот, обрати внимание, – говорила Вика, относясь к заданию столь же серьезно, как к цифрам в бухгалтерской книге, – «дизайнер работает в красном офисе». Из этого следует, что он не может курить «Данхилл», потому что любитель «Данхилл» работает в желтом офисе. Раз так, то не дизайнер украл ксерокс. Он живет не в первом доме, не пьет пиво и не работает рядом с тем, кто пьет воду. Послушай, это не так сложно, как я думала!

– Осталось найти ответ, – улыбался Тихон. – Так кто же украл счетчик купюр?

– Подожди, подожди... – Она прикусывала губу, рисовала на листе какие-то таблицы, и Куртеев, ощущая тепло в груди, любовался девушкой. – Бухгалтер не работает в зеленом офисе, это очевидно из задания... Бухгалтер не пьет кофе, это тоже бесспорно... Значит, он и «Лаки Страйк» не курит... Тихон, я знаю, кто курит «Лаки Страйк»! Потылицын! У него всегда на столе пачка! Ему дружок привозит из Штатов.

– Ты не любишь сложные задачи, да?

– Почему? – удивлялась она. – Люблю. Просто мне хочется, чтобы ты думал вместе со мной. Ты сам-то разгадал секрет кражи?

– Нет, – смеялся Куртеев.

– Вот видишь. Мы начнем понимать друг друга с полуслова, когда научимся находить один и тот же ответ. Думай как я, ладно?

Куртеев готов был поклясться, что мог провести так всю жизнь: положив голову на ее колени и ни о чем не думая. Ему хотелось просто смотреть на эту девушку и разрываться от влюбленности, наблюдая за тем, как прекрасно выглядит та, которая без труда переключается с серьезного дела на простой разговор. Время шло, а тепло не проходило.

– Вика, ты мне уже дала вилку.

Он без аппетита съел котлету и, прислонив голову к стене, посмотрел на девушку. Если бы котлета была разогрета, она была бы вкусней.

– Расскажи мне, как я жил без тебя. Расскажи, как ты живешь со мной.

Она дотянулась до его руки пальцами и тоже прижалась к стене.

– Ты был бесшабашный молодой человек, который успешно пользовался тем, что нравился женщинам. Эта жизнь казалась тебе единственно верной, потому что не приносила тебе хлопот. Повстречав меня, ты подумал, что я была бы неплохим ее продолжением, и я все ждала того часа, когда ты сообщишь мне о завершении этого очередного этапа твоей жизни. Ждала, когда ты скажешь «прощай». Наверное, я жду этого момента и сейчас. И ты знаешь, я к нему приготовилась. Мне не хотелось бы однажды услышать о том, что лучше бы нам больше не встречаться. Я готовлю себя к этому с той самой минуты, когда ты, словно бы нечаянно, воспользовался теснотой в лифте и прикоснулся подбородком к моему лбу. Я знаю, что ты, если решишь уйти, не уйдешь неожиданно. Тебе обязательно придется сказать мне что-то. И эти твои слова о расставании, если они прозвучат, я встречу не как удар ножом, а как пощечину, от которой не умирают. Я переживу. С этим я существую. А живу с той мыслью, что твое тепло ко мне не иссякнет никогда. А еще я не хотела бы умереть с тобой в один день.

– И кого бы ты отправила на тот свет раньше?

– Себя. Сидя у ручья под яблоней, я смотрела бы вниз и наблюдала за тобой. Я смеялась бы от радости, когда смеялся ты, ломала бы пальцы, когда тебе причиняли боль, и не снимала бы яблок до тех пор, пока бы ты не пришел. Я бы плакала от счастья от твоей любви ко мне, смотрела на свою фотокарточку на твоей тумбочке, слышала слова, которые ты говорил мне перед сном, и чувствовала, как мои губы теплеют, когда ты прижимаешься к холодному стеклу губами.

Тихон молчал, и пальцы его дрожали от волнения. Он слушал ее и понимал, что офис, в который он пришел, не для него, он в нем чужой. Даже если на его рабочем столе стоит ее фотка в рамке. Эта девушка отнимает у него все время. Он лучше бы остался дома, отпускал ее каждое утро на работу, которой Вика предана, ждал бы ее возвращения и не подпускал бы к домашним делам. Он нашел бы себе работу и здесь, благо голова работает без перебоев.

– Ты знаешь, что я бесшабашен, что нравлюсь женщинам, так не лучше ли было посадить у ручья меня?

Она посмотрела на него потеплевшим взглядом.

– Ты никогда не спрашивал, люблю ли я тебя.

У Тихона дрогнули губы, и он убрал руку.

– Я не уверен, нужно ли спрашивать, когда знаешь ответ.

– А ты спроси, – прошептала Вика, жадно заглядывая в его лицо. – Быть может, это будет совсем не тот ответ, который ждешь.

В груди Тихона тревожно стукнуло сердце и остановилось, словно не зная, что делать дальше – бить ли в набат или мерно постукивать, упиваясь истомой.

– Так... как?

– Я тебя очень люблю, – выдержав такую паузу, что Куртеев едва не свихнулся, сказала Вика. – А потому и представить даже не могу, что бы делала без тебя на этом свете хотя бы минуту. Не занимай моего места у ручья, прошу тебя...

Он жадно целовал ее тело. Казалось, не было ни единого уголка на этом упругом и в то же время податливом теле, который обошли вниманием его губы. Он любил эту девушку.

– Если бы у нас было много денег, – шептала она, – мы бы уехали на край света. И в этом мире был бы только шелест прибоя, солнце и мы с тобой на мягком матрасе в бамбуковом бунгало.

– Для этого нужно о-очень много денег, – смеялся Тихон. – Ты напомни мне этот разговор лет через десять, ладно? К тому времени мы накопим на бунгало, и останется еще пару лет попотеть в офисе, чтобы заработать на билеты на рейс «Москва – Край Света».

Тихон не был уверен, что это любовь. Слишком простое слово для того, что с ним сейчас происходило. Жажда обладать ее телом у него давно и как-то незаметно пропала, и теперь он пытался понять, что пришло на ее место. Он смотрел в темноте на ее лицо, умиротворенное сном и покрытое вуалью струящегося из окна синего света, медленно, как слепой ощупывает и представляет, водил взглядом по овалу ее лица и задыхался от чувств. На смену жажде пришло, видимо, упоение. Восторг от понимания того, что эта девушка рядом. И уже как-то неважно, что они при этом делают – занимаются ли сексом, смеются ли над фильмом или вместе собирают на полу воду из затопленной Викой ванны. Главное в этом предложении – слово «вместе». Они принадлежат друг другу, и от этого кружится голова. Наверное, это и есть любовь. Но Тихон не употреблял бы этого слова вовсе, поскольку рядом с ним спит единственная из всех известных ему женщин, которой он не сказал, что любит. И в этом есть какой-то высший, непознанный смысл. Пусть так и будет.

Глава 3

Атмосфера в коллективе, в который пришла два года назад Вика, была далека от идеальной. Для многих бухгалтеров появление в новом офисе является стрессом. Весь исторический уклад развития бизнеса в России указывает на то, что бухгалтер – верный друг президента компании. Наиболее приближенное к нему лицо и пользующееся наибольшим доверием и расположением. Первый день значил много, и он показал, что будущие коллеги встретили ее прохладно. На второй день Вика поняла, что в офисе вряд ли найдется человек, который относится к ней хорошо. Неизвестная причина холодила взгляды коллег и тормозила общение. Если бы не теплота Лукашова, Вика не была бы уверена в том, что эта работа ей нужна. Однако вскоре она поняла, что теплота президента обращена не в сторону бухгалтера Вики, а в сторону женщины Вики. За неделю пребывания в офисе она ни с кем из сотрудников не смогла поговорить, а Лукашов под видом введения в курс дел не выбирался из ее кабинета. И хотя в кабинете ничего не происходило, дверь в него была закрыта, и Вика сторала от стыда, думая о том, какие картинки представляют себе ее новые сослуживцы, когда Лукашов запирает за собой дверь в ее кабинет и не выходит из него около получаса.

Зародить в душах коллег неприязнь к сотруднику может что угодно. Поначалу Вика думала, что ею заменили кого-то, кто был душой компании. Лукашова судить никто не станет, хозяев не судят, но вот ей, портившей, по мнению всех, атмосферу в коллективе, подпортить репутацию был готов каждый. Объяснение Вика находила только в этом. Дальнейшее наблюдение убедило ее в том, что ситуация еще хуже. Лукашов перестал стесняться в выборе средств достижения цели, а цель у него была одна – Вика. Если поначалу он как бы случайно притрагивался к ее руке, к талии, когда помогал ей садиться за стол, то теперь, видимо решив, что первая стадия приручения пройдена успешно, перешел к более «трогательным» моментам. Теперь ему ничего не стоило, например, помогая Вике сесть, придержать ее за грудь.

Между тем молчаливый террор со стороны коллег не прекращался ни на минуту. В офисе не было никого, кто выразил бы готовность помочь молодой сотруднице. Напротив, каждый был рад «помочь» таким образом, чтобы испортить ей будущее. Поделившись соображениями с человеком, в доме которого жила с детства, человеком опытным и стреляным, Вика начала войну. Во-первых, она по его совету приступила к разведке. Она попыталась выяснить для себя правила быта, принятые в «Регионе». И первым делом ей было рекомендовано обратить внимание на то, как обедают коллеги и как друг к другу обращаются. Выяснилось, что большая часть сотрудников ходить толпой в столовую отказывается, а приносит еду с собой из дома. При этом подавляющее большинство сотрудников обращаются друг к другу на «вы» и сдерживают положительные эмоции. Дома Вика получила разъяснения этих двух фактов. Если люди, обсуждающие друг с другом проблемы компании восемь часов кряду, отказываются обсуждать свои личные проблемы за обеденным столом и если они даже в пылу не срываются на «ты», дело не в уважительно-деловой обстановке в компании, а в пренебрежительно-подозрительной. И Вике было рекомендовано придерживаться некоторых правил, соблюдать которые не так уж трудно.

Кто-то зашел к ней в кабинет, завязался деловой разговор. Вместо того чтобы направить коллегу дальше по инстанции, Вика вставала из-за стола и лично вела его к месту. На месте она оказывала ему посильную помощь, не рассыпаясь при этом в любезностях, и, не принимая сдержанных благодарственных слов, возвращалась к себе. Непонятное поведение заместителя директора финансового департамента сбивало с толку. Она была очень непохожа на инвалида-босса – своего начальника, и непохожа была тем, что выглядела человеком.

В ответ на логично возникающие при таком раскладе доброжелательные инициативы заместитель финдиректора наотрез отказывалась сближаться с кем-то и поддерживала со

всеми одинаковые, добрые отношения. «Не погрязай в дружбе, – советовал ей мужчина, с которым она жила, – иначе твоя дружба окажется не с кем-то, а против кого-то».

Удивительно, но это работало.

Он же порекомендовал и отказаться от улещивания директората. С Лукашовым, Потылицыным – вице-президентом – и остальными представителями топ-менеджмента Вика обходилась сурово, скромно расточая эмоции. Это поведение поначалу воспринималось штаффом как раз как наглость – на фоне-то улещивания президентом, но вскоре все сошлось во мнении, что Вика просто человек такой – ей безразлично все. Впрочем, если надо, она выйдет из-за стола и того же Потылицына сводит, куда тому нужно. При этом Вика ни разу не обратилась за помощью к обходительному с нею Лукашову, когда давление со стороны штаффа было доведено до абсурда. Кто-то слышал, как в приемной на вопрос президента: «Вам никто не мешает работать?» – заместитель финансового директора ответила: «Здесь работают хорошие люди. А хорошие люди мешать не могут». Это шокировало хороших людей. И река повернула вспять...

Единственный человек, который ей по-настоящему мешал работать, был тот, кто спросил. Истязание покровительством выматывало Вику и доводило до иступления. Вскоре к отчаянию добавилось отвращение. Однажды Лукашов похлопал ее по попке, как хлопает тренер отлично выполнившую его инструкции ученицу. Вика промолчала, однако по лицу ее пробежала тень. В офисе она оказалась впервые, эти отношения были для нее новы, и поначалу ей показалось, что президент компании и есть тот заслуженный тренер, который, ведя своих подопечных к победам, имеет полное право на поощрительные прикосновения. В них нет ничего скабрезного, думала Вика, отводя роль положительного героя Лукашову. Он так ведет себя со всеми – пыталась она себя убедить. Дальнейшие наблюдения привели к печальному выводу: по попе Лукашов хлопает только ее, Вику Золкину. Все остальные, как хорошо бы они ни выполняли его инструкции, поощрительных прикосновений не заслуживали. И тогда Вика, сосредоточившись на работе, попыталась убедить себя в том, что она единственная из ближнего круга, кто входит в тему, – все остальные давно в ней. Оттого, наверное, и такое надоедливое внимание. Однако проходил месяц, другой, и Лукашов уже стал дышать как-то по-другому. Спустя четыре месяца после появления Вики в «Регионе» он наклонялся к ней, указывая на промахи в расчетах, не с обворожительным участием, а свистя легкими. И вскоре случилось то, что должно было случиться. В один пригожий летний вечер Лукашов вошел к ней в кабинет, запер дверь на ключ – что не ускользнуло от внимания бухгалтера – и после пустяковых расспросов повалил ее на стол.

– Я отдам тебе все, – хрипел он, непослушными пальцами расстегивая пуговицы на ее блузке. – Я разведусь с ней, будь моей...

Сначала Вика не поняла, что происходит. Она была оглушена происходящим. И в этом состоянии находилась столько времени, сколько оказалось достаточным для Лукашова, чтобы расстегнуть все пуговицы на ее блузке и сорвать с девушки бюстгалтер. Увидев упругие груди, он зарычал от изнеможения и впился в одну из них чуть ли не зубами.

– Вы с ума сошли?! – не своим голосом закричала Вика.

Скинуть с себя Лукашова оказалось не так-то просто. Сто килограммов живого веса давили ее к столу танком, и он, по существу, делал с ней все, что хотел.

Чувствуя, как трещит срываемое нижнее белье, Вика отчаянно сопротивлялась. Набрав в легкие воздуха, она собралась закричать во весь голос, но предусмотрительный, опытный в этом виде борьбы Лукашов закрыл ей рот ладонью. Грубо и бесцеремонно раздвигая в стороны локтями ее ноги, он свободной рукой расстегивал ширинку.

Вика не верила, что это может случиться. Такого не бывает. Вечерами она обходила стороной придорожную растительность, никогда не следовала через парк и держалась освещенных людных мест. Сама мысль о том, что ее могут взять на рабочем месте, на ее столе и против ее желаний, мутила разум и не позволяла найти правильное решение.

Через мгновение она поняла, что искать уже поздно. Плача и впадая в истерику, она извивалась под Лукашовым, изнемогая от отвращения, а тот думал, что от сладострастия. Сквозь его влажную ладонь прорывалось мычание, а ему казалось, что это стоны любви.

Слезши с нее, он застегнул брюки и с недовольством окинул взглядом ту, что доставила ему так много удовольствия. Валяющаяся на столе девка с широко раздвинутыми ногами, сжавшая зубы и стонущая от истерики, – он по-другому представлял окончание их соития.

– В общем, так. Тебе было хорошо, мне было хорошо. Поэтому оставим все между нами. Надеюсь, ты достаточно умна для того, чтобы не предавать огласке нашу близость. Считай, что ты стала частью коллектива. С завтрашнего дня твоя зарплата вырастет вдвое, и слезь со стола, пожалуйста. Умойся и приведи себя в порядок. На тебя и без того косо смотрят.

Сползши со стола в кресло, она прошептала:

– Я посажу тебя.

Лукашов беззвучно рассмеялся.

– Выбрось это из головы. В этом офисе пятьдесят человек подтвердят, что эти месяцы ты только и занималась тем, что окучивала меня. А трое-четверо вспомнят, как ты кричала мне в лицо: «Я все равно тебя разведу». – Лукашов наклонился к зеркалу и пригладил растрепанную заместителем финдиректора прическу. – Не нужно заставлять мышь рожать гору. Ну, перепихнулись. С кем не бывает. Двое почувствовали искру, и возгорелось пламя. Сейчас пламя поугасло. Осталось рабочее настроение.

– А если мышь и впрямь родит гору?

На Лукашова эти слова не произвели никакого впечатления. Он вздохнул и посмотрел на часы.

– Это невозможно. Виктория, я прошу вас не опаздывать на совещание. Захватите, пожалуйста, отчет за месяц. Мне не все нравится в торгово-закупочных актах наших прорабов, не все. Шельмуют, мерзавцы, не находите?

В дверях его остановил ее голос:

– А ты не боишься, что я тебя убью?

– Нет, не боюсь. И даже увеличу зарплату, подозревая, что она станет зарплатой для киллера, – он рассмеялся чуть веселее. – Вика, я плачу вам вдвое больше, чем получает любой другой человек на вашем месте. Если вычеркнуть из памяти недавно случившийся эпизод, то можно заподозрить мое расположение к вам как к специалисту. Щазов скоро уйдет, у него все чаще проблемы со здоровьем. Как вы думаете, кто станет финансовым директором «Региона» с зарплатой в шесть тысяч долларов?

И он, бесшумно провернув ключ в замке, отворил дверь и вышел.

А потом вдруг вернулся, отчего Вика вздрогнула, и сказал:

– А если ты, сука, задумаешь чего недоброе, то я сделаю так, что тебя никто никогда не найдет. Это ясно?

И снова вышел.

Скоро появился Тихон, и Лукашов, наблюдая за теплотой их отношений, успокоился окончательно. Все получилось так, как он и рассчитывал. Теперь Вике не резон болтать языком. У нее есть недостаток и любовь. Если она откроет рот, потеряет и то и другое.

Глава 4

На первой же мужской вечеринке начальнику отдела маркетинга подчиненные в знак уважения предложили выбрать одну из трех заказанных на весь отдел проституток. Начальник отдела скромно потупил глаза и сказал: «Не нужно никого обижать отказом». И увел с собой всех трех. Куртеев к тому вечеру заканчивал свой четвертый день работы в «Регионе», а потому сие показалось ему немного неестественным. Нет, думал он своим профессиональным, слегка встревоженным сотней граммов водки мозгом, в этой компании не все так безоблачно. Если бы начальника отдела менеджеры остановили окриком: «Эй, босс, неправильно ты бутерброд ешь!», все было бы понятно, тем паче что коллектив не в офисе, а в баре. И с девочками, простите. Но вместо этого мужики чертыхнулись, по очереди сказали «сука» и снова принялись за водку. Поскольку на проститутку денег больше не было, то дожимали вечер в суровой мужской компании. К одиннадцати начальник отдела появился и стал говорить о том, что хорошо вот так, запросто, собираться. Это мы, сказал он, на работе стеснены официальными отношениями. А здесь все равны. «Хорошо, – сказал один из менеджеров, Костя, кажется, – если Тихон правильно запомнил, он-то и сказал первым „сука“, – что у нас ты начальник. С тобой все просто, и работа в радость, и отдых как у людей». Несправедливый дележ ласки, оплаченный из расчета \$200 x 3, Тихона не разочаровал, поскольку до потаскушек ему не было никакого дела. Конфликтолог Куртеев молча ориентировался в пространстве, размышляя попутно, зачем его пригласили в этот коллектив на вечеринку. С одной стороны, понятно – специалиста по корпоративным отношениям лучше держать накоротке. Но тогда, с другой стороны, зачем его сразу приучать к такому негативному процессу, свидетельствующему о полном развале таких трогательных коллегиальных отношений, как пользование всеми проститутками отдела с использованием административного ресурса? Если такое происходит в обстановке, где все «как у людей», то что должно происходить в офисе, где, по мнению Кости, все «в радость»? Будучи крепким логиком, Тихон быстро вывел логическую формулу: в офисе отдела маркетинга все в радость, но не как у людей, а на корпоративных вечеринках все как у людей, но ни о какой радости не может идти речи. Сопоставив то и другое, Тихон пришел к мнению, что лучше бы им шлюх пахать в «Регионе», а организацию продаж переадресовать в кабак. При таком раскладе в офисе все будет просто и как у людей, а на вечеринках радости не будет конца.

Очень скоро Тихон постиг еще одну истину. Вся деятельность «регионовцев» развивалась по одной формуле: офис разделен на два класса – стригущих и стриженных. Нужно всегда быть с первыми против вторых. Куртеев не удивлялся тому, что не замечал откровенных интриг ранее. Все то время, что заняла у него стажировка, он был занят изучением бумаг, штатной структуры «Региона», знакомился с людьми и практически не выбирался из кабинета. При таком развитии событий все сотрудники офиса были для него обособленными субъектами, корпоративная связь меж которыми была для него недоступна. Поэтому только теперь, когда он ходил по коридорам компании на правах ее сотрудника, он стал замечать вещи, поначалу ему не очень-то и нравящиеся, а потом ставшие обыденными: разговор идет об обыкновенных человеческих отношениях. Если в «Регионе» правят именно такие отношения, и никакие другие, и при этом незаметно, чтобы «эйчар» ломился от желающих покинуть компанию, значит, это он чего-то не догоняет. Или догоняет не с того боку. Как бы то ни было, зарплата его даже при обоснованном желании получать больше устраивала. Не сказать, что и работы было невпроворот, и Тихон стал успокаиваться.

Пристрелявшись взглядами к окружающей его публике, он быстро усвоил и стал пользоваться четкими принципами поведения. Во-первых, он перестал ходить без документов в руках. Только с папкой под мышкой или несколькими исписанными листами он выглядел сосредоточенно размышляющим над судьбой компании фраером. А снующая туда-сюда пехота

с пустыми руками выглядит как гуляющие по полю коровы. Если в руках журнал – человек идет в туалет, если сотовый – говорить о неполюженном на лестнице. Скорее всего, о том, как изувечить компашку, в которой работает. Вскоре Тихон усилил акцент – теперь он и на работу прибывал, выходя из «Пассата» с кипой ненужных бумаг под мышкой. С нею же и появлялся вечером на стоянке. Кипа оставлялась в машине до утра, утром он с ней входил в офис, а вечером с нею же выходил. И так далее...

Приносимую кучу макулатуры Тихон, сторонник четкого порядка, сваливал на столе, как если бы собирался поджечь. Так она лежала весь рабочий день, и когда кто-то звонил и сообщал Куртееву, что собирается прийти к нему за подписанным документом, Куртеев помещал только что завизированную бумагу в середину кучи и потом долго искал ее в присутствии коллеги. При этом лицо его было сосредоточенным – он искал, и дело это было действительно непростое, поскольку найти было сложно. Коллега диву давался, как новому сотруднику удастся работать в таком сногшибательном режиме, и смеялся над этим, конечно, у себя в офисе – он-то не перерабатывает. Чего Тихону, собственно, от ситуации и требовалось.

Но главным в офисной деятельности Куртеев считал правильную, научно организованную работу с автоответчиком. Поднимать трубку до того, как сработает автоответчик, – признак придурковатости того, у кого он находится на столе. Никто и никогда не позвонит на твой рабочий телефон для того, чтобы что-то дать или облегчить работу. Все звонят, потому что хотят переложить свою работу на тебя. Поэтому лучше послушать и понять, кто звонит и по какому поводу. Быть может, Вика. Но если сообщение на автоответчике создает опасность для твоего безделья, трубку лучше не поднимать. Однако создавать предпосылки для размышлений о том, почему тебя постоянно нет в кабинете, тоже не стоит. Посему отвечать на сообщения нужно обязательно, однако делать это необходимо во время обеденного перерыва, то есть когда заведомо известно, что звонившего не может быть на рабочем месте. Кто-то из тех, кто не в теме, обязательно ответит, ему-то и нужно сообщить, что ты звонил и тебе ужасно неприятно, что не смог застичь нужного человека в офисе. А потом нужно снова не поднимать трубку. Через месяц все поймут, что тебя нужно брать живым, и когда это будет им удаваться, нужно ускорять шаг и почти кричать о том, что ты спешишь (см. «кипа бумаг под мышкой»).

Бед персоналу Куртеев не приносил, от интриг умело ускользал, подлости за ним замечено не было, а потому он и получил в офисе соответствующее его поведению и вполне безобидное прозвище Консультант-Плюс.

– Я придумал, чем занять свободное место на листе, – сказал он, входя к святой троице, ломавшей голову над рекламой. – «Беспрецедентные скидки. Приди и скинь».

– И что? – спросил самый изнуренный. – Что мы скинем?

– Ничего не надо скидывать. Напайте кофе, дайте конфету, покажите слайд-шоу с апартаментами в Челси. Крупным планом – ониковую ванну. Как бы мимоходом следует показать на экране фотку, на которой президент Лукашов и президент Путин сидят на скамейке в Ново-Огареве.

– У нас нет ониковых ванн, – сказал второй.

– Я думал, у вас нет Путина.

– Действительно, у нас нет такой фотки.

– Сделайте. На lenta.ru я видел Путина с Грызловым на лавке. Отрежьте Грызлова, приклейте Лукашова. Босс должен сидеть с сигаретой в зубах, в спортивной майке с логотипом «Регион-билдинг» и показывать Владимиру Владимировичу ручку.

– На кого показывать?

– На троих слабоумных, которые от напряжения вот-вот потеряют сознание.

– Ты полагаешь, что создание мнимого представления о президентской поддержке строительства актуально?

– Я полагаю, что, побывав у нас, клиенты пойдут в другие компании, а там при тех же 4500 за квадратный метр кофе не напоят и Путина не покажут. И они вернуться. Таким образом, вся беспрецедентная скидка обойдется «Региону» в три рубля пятьдесят копеек за пакетик «Мак-кофе» и конфету. Откройте «Дубль ГИС», я покажу, где торгуют самым дешевым бабаевским шоколадом.

– Надо заапрувить тему у Потылицына, – сказал изнуренный, соглашаясь только потому, верно, что до смертушки ему оставалось две пердушки. – Скинь ему на е-майл концепцию.

– Концепцию?.. На почту? Он же в кабинете, – брякнул Тихон, не понимая, на кой черт мучить комп, если задница вице-президента давит кресло в пяти метрах от кабинета рекламодателей.

– Ты что, первый день в компании? – Из горла пиарщика от удивления раздался клекот. – А если он занят?

– А если он сейчас занят не чтением электронных писем?

– Скорее всего, так оно и есть, – согласился изнуренный. – Письмо придет Майе, Майя его распечатает и передаст Потылицыну. Тот просмотрит, вернет Майе, Майя принесет мне.

Куртеев поводит языком по зубам и качнул головой.

– Е-майл. Я понял. Если бы секретаршу Потылицына звали Тоней, это называлось бы – е-тойл.

С Викой Куртеев встречался в офисе редко. В отличие от Тихона ее рабочий день был загружен до предела и не терпел отлучек. Первое время Куртеев отирался в коридоре третьего этажа, в той его части, где находился офис финансового департамента, но войти не решался. Вскоре он привык к тому, что за сутки они с Викторией встречаются всего два раза: утром при пробуждении и вечером, отправляясь домой.

Привыкая к новому месту жизни, Тихон сознательно сталкивался с сотрудниками в курилке, в туалете, в коридорах. Привыкший к общению, он умышленно подводил себя к новым знакомствам, однако теперь, уже помня о стригущих и стриженных, знакомился «случайно». В курилке, как ему поначалу показалось, знакомиться было легче всего. В конце концов, не может быть такого, чтобы ни один из мужиков не возмутился таблицей регулярного чемпионата России по хоккею или не заговорил о книге. Тихону хватило трех дней, чтобы понять: легче закурить себя до смерти, чем найти в курилке повод для знакомства. В комнате для курения, где все, как в бане, были равны – и штафф и топ-менеджмент, – можно было послушать о процентовке, налоге с продаж, офшоре, динамичности поставок – словом, о любой корпоративной блевотине, но только не о вещах, которые могут сблизить двух и более людей. Он сам как-то попробовал поболтать о Набокове, разболтался и вскоре понял, что говорит в полной тишине. А вокруг него пятнадцать человек с дымящимися сигаретами в руках, и если они не умерли от шока, то только потому, что у них стальные нервы. «Да, – закончил литературный вечер Куртеев, – такие вот дела с Набоковым происходили... как современники вспоминают...» Вот это вот – «как современники вспоминают» – едва не испортило все дело. Набокова в «Регионе», кажется, никто не знал, а если кто и видел Джереми Айронса в роли Гумберта, то никому и в голову не приходило, что «Лолита» – это в принципе книга, а не фильм. Тут у Тихона зародились кое-какие подозрения, и он сообразил, что выставил себя дураком. Если кто-то пришел в курилку и говорит не о динамике продаж, то этот кто-то не кто иной, как сексот. Лукашову захотелось знать о событиях в офисе побольше, и он нанял для работы на весьма непонятную и явно лишнюю для штатного расписания должность стукача. «Как современники вспоминают»... Лузер в строительной компании знает, как вспоминали Набокова современники, – это естественно?

Поначалу Тихон думал, что и здесь тоже идет своя игра. Чем тупее выглядишь и чем чаще употребляешь корпоративную феню, тем преданнее ты кажешься в глазах окружающих. Он представлял, как, выходя из офиса, каждый из сотрудников забегают за угол, вытирает платком

рот и начинает скороговоркой: «Карл у Клары украл кораллы, Клара у Карла...» Очистив таким образом от скверны язык, служащий «Региона» несколько раз бьет себя портфелем по голове, выбивает оттуда шляпу, превращается в нормального человека, заходит в метро, садится и вынимает из портфеля томик с воспоминаниями Белозерской о Булгакове. Но тот случай с присвоенными девками убедил его в том, что даже в баре, даже выпив, если в кого служащие «Региона» и превращаются, то только в пьяных служащих «Региона». Тихон пытался разыскать в офисе хотя бы одну яркую личность и не нашел. О «блестящих» менеджерах говорили много, их хвалили, премировали, фотографировали и размещали снимки на Доске почета в фойе. Однако очень скоро Тихон догадался, что это фойе ничем не отличается от украшенной головами трофеев каминной залы бывалого охотника. Как выяснилось, менеджеры, не имеющие недостатков, имеют очень мало достоинств. Слишком выдающиеся особенности делают менеджера непригодным для офиса: на базар не ходят с крупной купюрой, там нужна мелочь. Яркая личность, озаренная своей или чужой идеей, тотчас покинет обеденный стол, ложе, игру, – Тихон подозревал, что яркая личность обязана даже прервать на время секс, – и тотчас направится к рабочему столу, где будет рисовать схемы, писать и выдавливать из головы все до последней мысли. Те же, с кем Куртеев встречался и общался в офисе, в мгновения внутренних всплесков способны были выдавить из себя лишь корпоративную чушь. И ради этого они могли прервать и обед, и сон, и соитие.

Казалось, что умышленным слабоумием страдают все, от охраны до президента. Они были поражены каким-то особенным стремлением соблюдать правила внутреннего распорядка, причем наиболее ревностно соблюдались самые невероятные из них: они добровольно заключали половину своей жизни в мир умственного недомогания и следовали традициям этого мира, как если бы от этого зависело будущее их детей. Пока директорат на шестом этаже компании всерьез размышлял над тем, что выбрать для стаффа в качестве корпоративного подарка на День независимости России – еженедельник или ручку, штафф на первом этаже всерьез искал способ отхватить и то и другое.

Для адаптации к новым требованиям жизни Тихону оказалось достаточно нескольких дней. Когда все ему стало понятно, когда он до самого дна отсканировал глубину отношений, взятых в «Регионе» за эталон, он почувствовал небольшое облегчение. О полном и безоговорочном облегчении не могло идти и речи, однако что ни говори, а ситуация стала ясна. Вспоминая свои переживания – примут или нет в «Регион», Куртеев понял, что в жизни менеджера, как и юриста, как и конфликтолога, как и бухгалтера, как и любого другого, решившего бросить себя в пучину корпоративных отношений, есть только две трагедии. Одна – быть не принятым в эту компанию, вторая – быть в нее принятым. И если уж трагедии не избежать при всем старании и в любом случае, следует присовокупить к писанным советом директоров правилам одно неписаное, свое: не наблюдай за тем, что творится перед тобой, отвечай за свой фронт работ, и боже тебя упаси оставить спину без присмотра. На нее тотчас накинута седло, выпорют или воткнут нож. И чем дольше Тихон наблюдал за происходящим в компании, в которую так стремился, тем прочнее убеждался во мнении, что все перечисленное будет происходить в том порядке, который указан выше. Тем и закончится.

Будет еще немало потрясений, приятных сюрпризов и отвратительных событий, думал Тихон и смирялся с мыслью, что так везде и не нужно искать от дерьма дерьма. В конце концов, три тысячи практически ни за что ежемесячно платят не везде, и вокруг не чувствуется неприятный запах. Дальше будет видно.

И вдруг исчезла Вика.

И вдруг исчезла Вика.

И вдруг исчезла Вика.

Это было так невероятно, что Куртееву, прежде чем понять это и начать что-то делать, пришлось вбить это в голову трижды.

Глава 5

Прибыв по адресу, Тихон некоторое время стоял и курил на крыльце подъезда. «Правильно ли делаю? Сейчас высмеет и пошлет куда подальше... С другой стороны, порядочный человек, кажется... – Затянувшись в последний раз и бросив окурок в урну, он решился. – В конце концов, не ударит. И потом, это очень символично, что он терпеть меня не мог, а я сам пришел за помощью».

Договорившись таким образом с самим собой, Тихон вошел в подъезд, полюбовался цветами на площадке и двинулся к лифту. Цветы он, как и всякий мужчина, не любил. Точнее сказать, был к ним холоден, поскольку не понимал их значения в жизни человека. Но Берга он считал мужчиной, и если тот терпел в своем подъезде горшки с цветами, «значит, в цветах все-таки есть какой-то смысл», – подумал он – и полюбовался. Хотя и без эмоций. Следуя к человеку с просьбой, нужно как следует почитать устав, которому он следует.

Профессор открыл дверь, и Куртеева изумило, что на лице его не отразилось никаких чувств. Берг просто открыл дверь и отошел в сторону, пропуская в квартиру недавнего студента. В квартире было тихо, и от этой тишины у Куртеева поползли по спине мурашки.

– Профессор, я зашел на минуту. Прошу прощения... кажется, вы работаете?

– Я не работаю. Что будете пить, Куртеев?

– Я, собственно... не жарко... да и вообще... – Поняв, что слишком долго отвечает на простой вопрос, Тихон развел руки в стороны и сказал: – В общем, что нальете, профессор, то я и выпью.

– А если я вам бензину налью?

Профессор стучал чашками на кухне, поэтому мог только слышать то, что ему отвечают.

– А если вы (беззвучное ругательство) нальете мне бензину, и оттого, что я его выпью, вам (беззвучное ругательство) станет приятно, то я его, пожалуй, выпью, поскольку человек, когда ему приятно, более расположен к просьбам гостя.

– А вы пришли с п-просьбой?

– Профессор, вы можете себе (беззвучное ругательство) представить, что меня могло привести к вам что-то иное?

Профессор не ответил, вместо этого он появился в комнате с подносом в руках. На подносе дымились две чашки. Кофе Куртеев терпеть не мог, как и людей, его употребляющих, но сделал вид, что обрадовался.

– Этилированный?

Лакированная профессорская голова, будто шаровая молния, прокатилась по комнате, опустилась и зависла над спинкой кресла. Тихон секунду выждал и, не дождавшись приглашения, уселся в кресло напротив.

– Начинайте просить.

У Тихона от неприязни зашевелились на голове волосы.

– Можно прежде один вопрос?

– Можно. – Кажется, Берг сегодня не был расположен к беседам.

– Почему вы (Тихон вспомнил и закончил фразу правильно) решили уйти в отставку?

– Не ваше дело.

– Может, мне зайти в другой раз? – подумав, спросил Куртеев.

– А в другой раз вы чего ожидаете? – Брови Берга поднялись над узкими очками.

– Человеческого отношения как минимум.

– А как максимум? П-поцелуй от профессора?

– Вы невыносимы, – вырвалось у Тихона. – Отчего вы меня не любите?

– А почему я вас должен любить, спрашивается? – Тон Берга казался возмущенным, но на лице, как обычно, ничего не отразилось. Он прикоснулся губами к чашке и поставил ее на столик. – Говорите, Куртеев, говорите, что там у вас стряслось. Но не просите меня любить вас. Это немыслимое дело.

– Хорошо... – «В конце концов, он прав насчет любви», – с досадой подумал Тихон. – В общем, так, профессор... Я знаю вас как...

– Давайте по существу.

– Хорошо... Словом, работаю я в одной крупной строительной фирме.

– По специальности, н-надо полагать? – равнодушно произнес Берг, но Куртеев почувствовал столько сарказма, что хватило бы на два оскорбления.

– Совершенно верно. По специальности. Я консультант по конфликтологии и корпоративным отношениям. И у меня возникла проблема...

– Неужели? Я вас чему-то недоучил?

Куртеев поставил чашку на стол, она звякнула, и кофе в ней колыхнулся от края к краю.

– Видимо, да, профессор, видимо, вы не смогли дать мне необходимых для работы знаний. Наверное, все дело в расхождении ваших взглядов с реальной действительностью! Я бы мог предположить, что сам что-то упустил, на семинарах к примеру, но стоит мне только вспомнить, что каждую сессию я учил все и что каждая ваша лекция у меня написана от начала до конца, так я сразу отмахиваюсь от подобного предположения! – Тихон мог бы сказать еще что-нибудь, но Берг, этот невыносимый Берг, вдруг вынул пачку сигарет и закурил. Он никогда не был замечен с сигаретой ранее, и пыл Тихона остыл.

– Сколько вы зарабатываете в компании, Куртеев?

Тихон смутился.

– Три тысячи...

– Долларов, конечно, – Берг пыхнул дымком и снова потянулся к чашке. – Рассчитываете на повышение зарплаты?

– Рассчитываю, но пока оно не предвидится. Я только что заключил контракт.

– На чем ездите?

– «Фольксваген Пассат». Год выпуска интересует?

– Обязательно, – подтвердил Берг, пропустив сарказм бывшего ученика мимо ушей.

– Год машине.

– И вы хотите, чтобы у вас не было п-проблем, в то время как зарплата ваша непременно бы росла?

– А в чем, собственно, дело?

– Мой юный друг, одеваться нужно соответственно вашей зарплате. Если вы одеваетесь лучше, чем получаете, то прибавку вам не дадут, поскольку у вас, вне всяких сомнений, есть другой источник дохода. Если вы одеваетесь хуже, то прибавка вам заказана, поскольку вы не умеете тратить деньги. А человек, который ездит на машине стоимостью в тридцать тысяч долларов при зарплате в три, вообще вызывает опаску, потому что непонятно, зачем он в костюме от Армани и на этой тачке устроился на работу с таким жалованьем. – Берг допил кофе и докурил сигарету. – Вас огорчило п-появление одной проблемы. Я же полагаю, что проблемы у вас только начинаются.

Интерьер квартиры соответствовал экстерьеру дома на Кутузовском. Двери в комнате, в которой они сидели, были прикрыты, но Куртеев живо представил себе еще три или четыре таких же, равных общей площади однокомнатной «хрущевки», комнаты. По периметру стояли чиппендейловские кресла, по углам – экзотические пальмы, на стене висел жидкокристаллический экран и страшные маски. Не хватало только шкуры зебры под ногами, но ее место занимала шкура гепарда. В общем, все было как надо. Тихон был брезглив ко всем животным

и вот сейчас, чувствуя сквозь шелк носков жесткую кошачью шерсть, поджимал пальцы, как когти, и оттого выглядел в кресле словно сидящим на ослике.

– В моей компании что-то происходит, – унылым голосом проговорил он. – Что-то непонятное... Знаете, это как работаешь на компьютере, и вдруг появляется табличка: «Ваш компьютер атакован»... Атаку видишь и даже чувствуешь ее последствия, а автор угрозы навсегда останется неизвестен...

– Я вас никогда не пойму, если вы будете разговаривать со мной метафорами.

– Пытаюсь... после шакала и барабанщика... – пробормотал Куртеев и покусал губу. – Я так говорю, потому что не понимаю, что происходит. В офисе напряженная обстановка. Счастливая пора моего существования в «Регион-билдинг» закончилась сразу, едва закончилась моя стажировка. Едва я заключил контракт, как сразу начались неприятности. Мелочи, но их столько, что, собираясь вместе, они, словно мазки, заканчивают мой портрет беспомощного человека... – Тихон медлил, не зная, как подобраться к главной цели своего прибытия.

– Давайте я угадаю, что это за мелкие неприятности, – предложил Берг и, поднявшись, направился куда-то не то к пальмам, не то к маскам. Все было в его квартире перемешано, хотя и не без вкуса, поэтому можно просто сказать, что он пошел «в квартиру». – Стоит вам спуститься за сигаретами в киоск в холле компании, там обязательно окажется очередь, и именно в тот момент, когда вы поинтересуетесь, кто крайний, ваш босс вызовет вас к себе. А потом, когда бы он ни зашел к вам в кабинет, вы непременно будете или заваривать кофе – впервые за день, или, сидя на подоконнике, вытряхивать из туфли камешек. – Берг ходил по комнате, сложив на груди руки. Лучи солнца рикошетили от его головы и слепили бывшего студента. – Вы оближете конверт, а он отказывается клеиться. В поисках к-клея вы покинете кабинет, а когда придете, убедитесь в том, что конверт намертво прилип к столу. Отправляясь на совещание, забудете кейс нужными документами, заметите, что одному места не нашлось. Вынете самый, на ваш взгляд, неважный и положите важный, а на совещании выяснится, что весь смысл вашего присутствия сводился именно к оглашению документа, который вы выложили. Вы подходите к ксероксу сделать копию одной бумажки и видите, что на ксероксе копирует трехтомный финансовый отчет самая злобная сука в компании. Через двадцать минут она освободит вам место, и в тот момент, когда вы соберетесь принимать в руки теплую копию, лист застрянет. Когда вы, Куртеев, его вытащите, выяснится, что в ксероксе закончилась бумага, когда вы заправите новую пачку, окажется, что закончился порошок. Наконец вы отнесете д-документ президенту, а когда вернетесь в кабинет, найдете в копии документа несколько серьезных опечаток... Мой юный друг, вы неудачник. Вы хронический, патологический неудачник, и я предполагаю, что никаких проблем в компании нет. Проблемы у вас. Так расположились звезды, Куртеев. Где я не угадал?

– Сейчас, знаете, профессор Берг, такие конверты... Отрываешь полосочку и разглаживаешь клапан. Конверты лизали лет сорок назад, в вашу студенческую молодость...

– Я ничем не могу вам помочь, Куртеев.

Тихон напрягся. Он так и предполагал. Берг над ним поизмывается и выставит вон.

– Но вы же еще даже не выслушали меня.

– Даже если выслушаю, не помогу.

– Очень мило с вашей стороны было поговорить со мной, – выдавил Тихон, поднимаясь.

– У вас есть девушка, Куртеев?

– Не ваше дело.

– Ну, эта фраза сегодня уже звучала, не повторяйтесь. Ладно, я спрошу иначе: вы спите с девушками?

– А вы сами-то как думаете?

Берг неопределенно поводит пальцем в воздухе.

– И сколько у вас девушек, с которыми вы спите?

– Вы хотите поговорить со мной об этом?

– Вы спите с одной или несколькими?

– По четным числам месяца с одной, по нечетным – с несколькими. Вы с ума сошли? Я пришел к вам за помощью!

– У вас есть постоянная пассия? – спрашивал невозмутимый Берг.

– У меня только одна и есть, с нею я и сплю. Но цеплять ее на свой язык я вам не советую. На удивление, Берг не рассердился и даже не отпустил по этому поводу едкой остроты.

– Почему бы вам не отпустить ее на волю?

– Что? – пробормотал Тихон.

– Вы неудачник, Куртеев. Я предсказываю вам крах. Если у вас есть девушка, не обольщайте ее надеждами, не обнадеживайте. С вами она пропадет, – и Берг поправил очки. – Есть люди, которым занятие бизнесом противопоказано. Даже когда их мозг обогащен знаниями, они никогда не станут блестящими п-практиками. Они рассеянны, непрактичны. Вы к ним относитесь.

Тихон подумал о том, что сейчас, кажется, тот самый момент, когда, не откладывая на ночь, можно сказать все. Что он думает. Он подумал о том, что единственная его ошибка за все время общения с этим черствым старикашкой заключается в решении прийти к нему и попросить совета.

– Профессор Берг, есть люди, которые невероятно комплексуют. Им бы хотелось трахнуть какую-нибудь молоденькую студентку, но риск оказаться разоблаченным куда сильнее желания показать себя мужиком. Из-за невозможности органично совместить возраст с желаниями эти люди ненавидят молодость, силу и успех. Вам шестьдесят, и лет через десять вы о пешей прогулке думать будете куда с большим вожделением, чем сейчас о студентках. Вы будете лежать в постели, скрежетать зубами и думать, что не лучше ли было оказаться тогда разоблаченным, чем теперь вот так сидеть в трупe слона и знать наверняка, что рядом ни одного барабанщика. Все барабанщики вон они – портят девок, пьют пиво... Я объясняю вашу ненависть ко мне завистью и ухожу от вас в твердой уверенности, что разговор наш окончен навсегда и последнее слово сказали не вы. Глаза бы мои на вас не смотрели.

Взявшись за ручку двери, Тихон с пылающим лицом вышел на площадку и в сердцах выдал:

– А между тем речь шла не обо мне, бездарном, а о девочке, которая пропала из офиса.

– Какая девочка?

Эхо голоса Берга прокатилось по лестничным пролетам и застряло где-то у чердачного люка.

– Та самая, которой вы просили меня дать волю, мать вашу!.. Но вам, конечно, наплевать! Адьо! – Махнув рукой, Куртеев направился не к лифту, а пешком по лестнице. – Задыхайтесь в угаре собственного тщеславия!

– Какая девочка, Куртеев? В-в-вика?!

Нога Тихона скользнула по ступени, и он едва не упал. Схватившись рукой за поручень, он повис на перилах, похожий на Иисуса.

Он не ослышался?

Разогнувшись и развернувшись, он взгляделся в лицо профессора. Глаза Берга светились каким-то нездоровым огнем, и очки этот блеск усиливали, доводя почти до пламени.

– Откуда вам знать, как ее зовут?

На площадке заворочался язычок замка в соседской двери.

– Вернитесь в квартиру, немедленно!

– Чего ради?

– Немедленно!.. – приказал Берг.

В квартире он стоял и с недоумением разглядывал Берга, – тот тряс руками и гладил ими голову.

– Вика пропала? – спросил он. – Куда? Как? Когда?..

– Мне кажется, – забормотал Тихон, – нам стоит кое-что прояснить... – Он вдруг вспомнил, с какой странной внимательностью смотрел Берг на студенток в аудитории. – Откуда вы знаете Вику? Ну!

И вопреки его воле в голове его стали всплывать подробности того вечера, когда он шпионил за Викой и подъезжал к большому дому. Совмещая воспоминания с сегодняшним маршрутом, он обнаружил кое-какие совпадения.

Берг покусал губу и толкнул Тихона в комнату.

– Садитесь, черт бы вас побрал. У вас на лице написано ослиное упрямство, а времени у меня нет. Вика – моя племянница. Ее родители умерли, когда девочке было пять лет. С тех пор она живет у меня и предполагается, что она моя дочь.

– Предполагается?

– Оставьте, черт вас возьми! – По лицу Берга пробежала судорога. – Оставьте!.. Сальности вам к лицу, но вы не там их говорите! Вика – единственная память о сестре, и если вы будете продолжать смотреть на меня воловьими глазами, я врежу вам по лицу!

Тихон не взбесился преимущественно только потому, что впервые видел Берга в таком состоянии.

– Ну ладно, ладно, – растерянно пробормотал Куртеев. – Но все-таки хотелось бы, так сказать... – И тут его наконец-то осенило. – Пойдите-ка, уважаемый профессор... Вика – ваша племянница... Получается, что вы... вы знали, что я с ней встречаюсь, и вместо того чтобы... вы издевались надо мной, как сеньор над вассалом?! Не складывается, дорогой профессор! Тут замешано, думается, куда большее, чем дядькина любовь!

Берг врезал, но не попал. Хотел второй раз, но Тихон уже собрался и расстегнул пиджак. Внезапно Игорь Отгович успокоился.

– Хотите начистоту? Прошу! – И он чересчур уж дружелюбным жестом пригласил Тихона в кресло. – Прошу, п-прошу. Поговорим как мужчины.

– В принципе, вы уже начали...

– Я еще не начал, – огрызнулся Берг, и для Тихона его поведение было странным. – Кофе?

– В жизни не пил такой мерзотины.

– Ладно, – Берг стал потирать ладони. – Слушайте... Родители Вики погибли в автокатастрофе, в Венгрии. Ее отец работал в советском консульстве, и на операционном столе мать Вики, моя родная сестра, взяла с меня клятву заботиться о дочери вплоть до з-замужества. *Вплоть до замужества* – вы понимаете? Это значит, что сам процесс ее контактов с мужчинами должен находиться под моим контролем. И я дал клятву. И с тех пор являюсь отцом этой девочки. Я дал ей образование, она окончила экономический вуз, я помог ей найти работу в «Регион-билдинг», и вскоре ее карьера пошла в гору. – Берг нервно закурил и вонзил в Тихона испепеляющий взгляд. – Она стала главным бухгалтером, и я уже подумывал о том, чтобы подыскать ей место в зарубежном банке. Вика, если вам это неизвестно, отлично говорит по-французски. Впрочем, я не думаю, что у вас так далеко заходили отношения...

– На французский лад? – процедил Тихон. – Да сколько угодно.

– Клянусь б-богом, Куртеев. Я клянусь господом богом, что, если вы еще раз съерничаете подобным образом, я разобью вам голову.

– Побольше уважения, профессор, – это все, чего я прошу.

Не обратив внимания на просьбу, Берг закурил новую сигарету от старой, не докурив последнюю и до середины.

– Но год назад случилась трагедия, – сказал он. – Вика встретила в компании идиота и, кажется, полюбила его. Фамилия идиота – Куртеев, и я дотерпел до утра, чтобы приехать в

институт, чтобы идентифицировать того Куртеева с тем, которого знаю. И я едва не впал в панику, когда понял, что Куртеев тот и К-куртеев этот – одно лицо. А теперь я перехожу к главному, студент... Вика – невероятно рассеянная девушка. Она пойдет в магазин за хлебом, а принесет молока. Все дело в том, что она выполняет работу механически, просчитывая свои шаги на неделю, а то и на месяц вперед. Она в уме умножает пятизначные цифры, но совершенно беспомощна в мелочах!.. И надо же было случиться так, чтобы среди сотен нормальных, состоятельных и статных мужчин она выбрала именно вас!..

Тихон, чувствуя себя неудобно, поежился.

– Она, как и вы, подходит к копиру, когда в нем заканчивается бумага, а если есть бумага, то нет краски! Находясь дома и постоянно думая о работе, Вика способна поставить в микроволновку курицу и пытаться набирать на табло пароль своего сейфа. Если она на клавиатуре неловко нажмет две клавиши одновременно, то отпечатается обязательно та, которая не нужна! Ей нужен настоящий мужик, стоик! Терпеливый п-педант, который с любовью будет контролировать каждый ее шаг!

– Первый раз вижу отца, который желает выдать свою дочь за педанта.

– Молчите, Куртеев! Молчите и слушайте! – вскричал профессор. – Вы несовершенны. Ваш мозг – генетический мусор, отстой мозга академика, вашего однолетки. Возможно, он отвалился, как ненужный рудимент, от мозга Крамника. Вы рассеянны, нелепы, и весь ваш багаж знаний никогда не поможет вам стать мужчиной, принимающим решения! Если есть худший, кто может составить пару Вике, так это вы, Куртеев! Вы вдвоем – это гремучая смесь!.. Если вы совместно начнете заниматься б-бизнесом, то, не успев заработать первой тысячи, вы тут же не успеете заработать и второй. Вы из тех людей, которые, выходя из парикмахерской, остаток дня мучаются над вопросом – зачем вас там спрашивали, как бы вы хотели подстричься. Вы не способны на поступок, вы не в состоянии залезть к девушке на балкон...

– На пятый этаж дома на Кутузовском?

– Вы погубите мою девочку, понимаете это? – вскричал Берг. Понемногу пыл его начал угасать, он снова принял облик уравновешенного социолога. – Вика хвалится, что встретила любовь. И даже высказывается предположение вслух, что я тоже очень полюблю этого мальчика... Боже мой, ей лучше бы в монастырь.

– Кажется, вы бросили бы ее и в полк, только бы не мне. Игорь Оттович, вы так зашлись, что забыли о собственной безопасности. За все время нашего разговора вам ни разу не пришла в голову мысль, что я могу вас ударить по голове? Вы совесть-то поимейте – что говорите-то, я же еще живой...

Но Берг не слышал и этого.

– Я уже знал, кто предмет ее обожания, и кровь прилиwała к моей голове...

– Не моча?

– Она сказала, что вопрос о свадьбе вы будете решать, когда вы окончите университет. Я спросил, что будет, если Куртеев университета не окончит, и она ответила, что тогда мы будем терпеливо ждать, когда Куртеев его окончит...

– Ах ты, старая сволочь...

– Но вечно это продолжаться не могло. Рано или поздно Куртеев обратился бы в ректорат, и ему непременно выделили бы для переэкзаменовки другого преподавателя. И тот выяснил бы, что студент Куртеев разбирается в социологии едва ли не лучше этого преподавателя. И я понял, что уперся в стену. Успешная сдача государственного экзамена передела бы мою Виду в свадебное платье. Я должен был либо поставить Куртееву «отлично» – что я не мог сделать, учитывая изложенное выше, либо уйти навсегда, поскольку не поставив «отлично» означало пойти против собственных принципов. Одно дело погонять студента по сессиям, и совсем другое выпускать его в жизнь...

– Вы не забыли – Вика пропала?

- Где она?!
- Я думаю, ее похитили.

Глава 6

Тихон вел машину нервно и неуверенно. Теперь, успокоившись после разговора с Бергом, он никак не мог простить сидящему рядом профессору его откровений. С одной стороны, Берг повел себя не как лиса, а как мудрый человек – он говорил без обиняков и не заводил рака за камень. С другой же стороны, слушать такие откровения от отца девушки, которую Тихон любил, было по меньшей мере несправедливо. Все, что плел Берг, имело какой-то смысл, поскольку и очередь к копиру Куртеев занимал, как правило, за самыми раздражительными, приконченными отсутствием здорового секса шалашовками, и всегда у него выходило так, что чем важнее была копия документа, тем бледнее она выползала из ксерокса. Все так. Но сейчас, думал Тихон, говорить нужно не о его внутреннем содержании, а об их с Викой отношениях. Тут Берг вел себя как последняя скотина – так считал Куртеев.

– Представляю, в какие хлопоты вылились для вас просьбы к президенту «Региона» не принимать меня на работу, – покосившись на старика, процедил Тихон.

– Если бы я хлопотал, тебя бы там не было, – не замедлил с ответом Берг. – Просто мне в голову не могло прийти, что Вика положит на тебя глаз. Если бы во мне тлела хотя бы искорка подозрения, что такое может случиться, Лукашов указал бы тебе на дверь в тот же день.

– А что же вы притормозили, когда вам это пришло в голову? – не без сарказма хмыкнул Тихон.

– К тому времени ты, оказывается, зарекомендовал себя неплохим специалистом. Но я-то знаю цену такому авторитету. Просто ты еще ни разу не нарывался на хороший производственный конфликт. Советую перестроиться в правый ряд. Реконструируй для меня наиподробнее образом еще раз сегодняшнее утро в «Регионе».

Почувствовав прилив раздражения, Тихон заставил себя успокоиться. В конце концов, они едут в «Регион» не для решения производственных, как выразился Берг, вопросов, а ради общего дела. Каждому из них нужна была Вика, и просьба старика повторить с самого начала то, что прозвучало не далее как десять минут назад, могла сойти за партнерство в общем личном деле.

Прикурив и бросив зажигалку на щиток приборов, Куртеев слово в слово повторил то, что уже говорил. Благо времени позабыть детали не было. Сегодня была пятница, а потому Вика уехала на работу пораньше. В пятницу Вика всегда уезжает пораньше, потому что... «Я знаю, – перебил Берг, – в пятницу в финансовом департаменте „Региона“ подготовка документов для последних недельных перечислений». Таким образом, выйдя из дома в семь утра, Вика села в свой «Кайен» и уехала. Тихон махнул ей рукой из окна, она бикнула...

Берг поморщился. То, что было сказано сейчас, не объясняло, почему Вика приехала на работу, переговорила с кем-то по телефону, а потом выбежала из офиса, как при землетрясении. Но Тихон продолжал, и Берг умерил свое раздражение.

Слушая, что говорит Куртеев, он пытался как от мухи отмахнуться от той мысли, что нужно было проявить решительность и разочаровать ее в избраннике месяцем раньше. У него бы получилось. Сейчас, глядишь, и не было бы проблем.

Не замечая и не понимая, разумеется, того, о чем старик думает, Тихон подробно излагал факты. А они были скупы и собирались им в течение двух последних часов до приезда к Бергу из разных источников. Итак, Вика пришла на работу и сразу занялась документацией. В бухгалтерии они говорили (сказала Ирочка, бухгалтер) о Вивьен Вествуд и о том, до какой степени кошмара может довести себя безобразная старуха, автор идеи носить одежду швами наружу. В беседе высказывался интерес, снимает ли она рожки перед совокуплением, или же ее партнеров заводит сам факт обладания бесовщинкой. Потом разговор зашел о духах, потом о Владимире Владимировиче Маяковском (вспомнила Фаина, бухгалтер), потом Ирочка вспом-

нила, что знает еще одного Владимира Владимировича, Преснякова, Фаина не пожелала выглядеть отсталой и намекнула на Набокова (вот, оказывается, кто если и не читал, то хотя бы знал о существовании Набокова!) – в общем, собеседование выглядело как одновременная работа нескольких настольных радио. Говорили о чем угодно, но только не о финансовой отчетности. Через четверть часа после того, как начался диспут, в бухгалтерию зашел Лукашов и сказал, чтобы недельный доклад по бухгалтерии был перенесен на час. К нему придет важный гость, что, как поняли сотрудницы финдепартамента, несколько важнее. И почти сразу выложенный на стол рядом с кипой бумаг Викин мобильник вдруг разволновался и стал ползать по столу с нудным стоном. Она, не отрывая глаз от бумаг, приложила трубку к уху, сказала: «Да?», потом: «Да...», вслед за этим почти крикнула «Да!», вскочила вдруг и бросилась к выходу. В дверях что-то вспомнила, вернулась, схватила телефон, сумку и вышла. Все произошло настолько неожиданно и быстро, что ни Фаина, ни Ирочка не успели полюбопытствовать, в чем, собственно, дело. Фаина потом говорила Куртееву, производившему частное дознание по долгу службы, что если бы и было время для расспросов, то она и Ирочка все равно бы молчали, потому что начальнику, то бишь Вике, отчитываться перед подчиненными не в цвет. «И что было дальше?» – спросил подуставший Берг. «Вообще, я рассказываю по порядку, – огрызнулся Тихон. – Из этого следует, что „дальше“ появляется сразу, как заканчивается последнее слово. Если под „наиболее подробным образом“ вы имели в виду что-то другое, то вам следует меня известить об этом». «Я говорил вам – перестройтесь вправо, – сказал Берг. – Теперь удастся свернуть только на Самотечной». Когда Вика не пришла к обеду, финансовый департамент заволновался. Оставшись за финдиректора и непонятно куда исчезнув, Виктория Золкина парализовала процесс перечисления денежных средств. В том числе и по срочным возвратам кредита. Если бы не последнее обстоятельство, ее бы никто не стал искать до утра понедельника. Но дело требовало подписи руководителя. И тогда Фаина, обозначив себя от рядового состава старшей, прибыла на разведку к вице-президенту компании «Регион» Антону Потылицыну. Обычно такое не практикуется, поскольку нет более топорного способа подставить своего непосредственного босса, чем прийти к своему боссу прямому и заявить об отсутствии первого. Тем более что в Вике, как в представителе экзекьютива, подчиненные души не чаяли. Но обстоятельства требовали объяснений, поскольку те же обстоятельства прямо указывали на то, что в понедельник, когда станет известно о просрочке платежей, тот же вице-президент начнет резать ремни из виновных. В общем, натянутое непонимание к четырем часам вечера у всех переросло в недоумение, а к пяти в обеспокоенность. Домашний телефон Вики не отвечал, а на ее мобильном висела какая-то девка и уверяла, что абонент отключил связь. На всякий случай идиотка «хьюман ресорсез» по собственной инициативе обзвонила больницы и морги, а когда стало ясно, что и там Вики нет, президент велел запереть парадный вход и запасные двери на ключ. И лишь Тихон, который приехал в офис как раз к закрытию (он был в мэрии по поручению президента), не сидел на месте и не ждал возвращения Вики. И странное отсутствие Вики он воспринял наиболее взволнованно не только по известной причине, но еще и потому, что «Кайен» его девушки стоял там, где она оставила его по прибытии на работу, – на парковке за «кирпичом» с пояснительной надписью «Кроме сотрудников ООО „Регион-билдинг“.» Переговорив с Лукашовым (Берг его хорошо знает), Тихон тотчас отправился к профессору – по его, Лукашова, указанию. Президент «Регион-билдинг», как выяснилось, знает профессора ничуть не хуже. Присутствие в компании старика было важно не только по известной причине, но еще и потому, что Берг был, наверное, единственным человеком в Москве, который с первого взгляда мог сообразить, что происходит в компании. А в компании явно что-то происходило. «Почему ты так думаешь, Куртеев?» – подозрительно спросил Берг, вяло разворачивая к Тихону лицо с сияющими очками.

– Потому что заместители директоров финансовых департаментов просто так не исчезают. Это все, что я могу вам рассказать, уважаемый профессор. И если бы мы сейчас свернули направо, на Щепкина, то уперлись бы в тупик на Дурова.

– Что, по-вашему, могло случиться? – после недолгих раздумий спросил Берг. – И по какой причине?

– Была бы у меня на прицеле хотя бы одна версия, никакие силы не заставили бы меня приехать к вам. Ни по какой причине, – добавил Тихон, задержав на профессоре взгляд дольше, чем того требовал доброжелательный разговор.

– Удивительно... Зачем похищать заместителя директора финансового департамента?

– Вас это тоже юзает? – стараясь говорить так, чтобы ирония не слышалась, а только чувствовалась, спросил Куртеев.

– Не понимаю, почему Вика не позвонила мне, предчувствуя опасность. Хотя... – Берг махнул рукой. – Хотя откуда ей было знать, что это опасность. Она вряд ли сумела бы отличить опасность от рабочего момента. Это из-за вас она оказалась в беде, Куртеев, т-только из-за вас!

Тихон опустил стекло и плюнул на дорогу. Ничего лучше в ответ он придумать не смог.

– Я хочу взять с вас обещание, – сказал Берг, увидев очертания высотки с огромными золотыми буквами на крыше: REGION-BUILDING. – Я полагаю, что чувства Вики к вам... как бы это сказать... ветрены, что ли. С юных лет я приучал ее к дисциплине и предотвращал случайные связи... если вы понимаете, о чем я говорю... Словом, ваша с нею встреча – ошибка. Это страшное недоразумение... Для Вики все вновь, она не в состоянии разобрать, где увлечение, а где чувство прочное, надежное. В общем, я прошу вас... Когда все образуется, освободите в ее жизни место для человека, который ее достоин. Быть может, я немного неловок, б-бестактен... но я отец, и мне позволительна прямота. Вы понимаете меня?

– Вы чокнутый, Берг. Придумывайте себе что хотите, но я не оставлю Вику, даже если бы вы стали на колени. Вы сумасшедший. И если бы я не был уверен в том, что мне пригодится именно ваше сумасшествие, я бы и по сей день держался от вас подальше. Я не ваши отцовские чувства призвал на помощь, а мерзкий, отвратительный, ужасный, гадкий ум специалиста по общественным отношениям... – Выкрутив руль на парковке и поставив машину рядом с «Кайеном» Вики, Куртеев заглушил двигатель и развернулся к профессору: – В свою очередь позвольте и мне взять с вас обещание. Разговаривать с людьми в офисе, принимать решения и докладывать о них руководству буду я. А вы все это время будете лишь высказывать мне свое собственное мнение и докладывать о результатах ваших наблюдений. Договорились?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.